

ИЛЬЯ МАРТЫНОВ

ЭКСПЕДИЦИЯ «НЕРЕЙ»

ближний поиск

12+

ВЯЗКОЕ НЕБО НАС НЕ ОТПУСТИТ

Илья Мартынов

Экспедиция «Нерей».

Ближний поиск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48477823

SelfPub; 2019

Аннотация

Все три шаттла исследовательской экспедиции на планету Нерей разбились во время высадки. В живых осталось лишь двое астронавтов. Земля молчит. Кажется, обоим выжившим – лейтенанту Джеку Сэлленджу и тяжело раненной Энн Пэтроу – суждено погибнуть в диком инопланетном мире. Внезапно Земля выходит на связь – но вместо спасения герои получают лишь странные задания. Лейтенант вынужден в одиночку путешествовать по планете, населенной необычными и опасными формами жизни. Пытаясь изучить их, он однажды сталкивается с тем, что может изменить не только его судьбу, но и будущее всего человечества.

Содержание

Протокол I-844	5
1	5
2	12
3	19
4	33
5	44
6	51
7	66
8	74
9	85
10	93
11	98
12	103
13	106
Жизнь бушует	111
14	111
15	118
16	120
17	122
18	125
19	129
20	131
21	134

22	136
23	140
24	142
25	147
26	155
27	157
28	160
29	165
30	169
31	175
32	181
33	191

Конец ознакомительного фрагмента. 193

Протокол I-844

1

– Приём. Передаю сигнал с поверхности планеты Нерей, – произнёс он, скользя ладонью вдоль тёмно-серой грани телепорта.

– Пирамида трухлявая! – выругался Джек и с досадой стукнул кулаком по столу, отчего устройство завибрировало и недружелюбно загудело. Ему захотелось плюнуть прямо в самый центр рамки телепорта, но он сдержался.

– Говорит старший лейтенант Джек Сэллендж. Миссия F-3476N8, – он надавил пальцами правой руки на изрядно взмокший висок. Другой рукой он настолько сильно вцепился в рамку телепорта, что казалось, будто его ладонь сейчас поглотит все тепло, излучаемое устройством.

Ответа не последовало. Здесь, на другой планете, на расстоянии восьми с половиной световых лет от Земли, мертвенная тишина по другую сторону устройства превращала кровь в мельчайшие ледяные кристаллики, едко покалывающие сердце. Джеку казалось, будто этот холод заполнял его нутро, отравляя весь организм.

Миссия по колонизации другой планеты и без того была под угрозой срыва. Телепорт не успевал настроиться на

нужные частоты. Механизм разогревался, вроде бы входил в рабочий режим, но Джек был недостаточно хорошо знаком с физикой и техникой, чтобы определить, правильно ли он функционирует. В его обязанности вообще не входило пользование предметами, перемещающими что-либо в пространстве. В нормальных обстоятельствах это находилось исключительно в ведении капитана миссии и его помощника.

В эту минуту Джек жалел, что в Академии никто им никогда не рассказывал подробно о механизмах работы телепорта. Офицер знал, что телепорты были официально запрещены правительством. Законодательство допускало их использование лишь в экстренных случаях и только специально обученным персоналом. Джек старался не думать о том, что в данный момент он нарушал закон. Это бы лишило его всяких сил, позволив мертвенной тишине обратить в лёд его нутро.

Он знал, что на самом деле телепорт ничего никуда не перемещал, а лишь считывал сведения о состоянии мельчайших частиц помещенного в него объекта, а затем с огромной скоростью передавал информацию в другое подобное устройство – приёмник, где эти частицы вновь пересобирались. В полёте космический корабль «АванЛайт» прокладывал тоннель из порталов, сжимающих пространство и время. Так он мог сам перемещаться быстрее скорости света и оставлять за собой систему сверхсветовой передачи сигнала. Это позволяло встроенному в телепорт датчику отправлять

и получать информацию практически без задержек.

Разумеется, вещество не могло возникнуть из ничего – телепорту нужен был не только источник энергии, но и материя, из которой будут собираться принятые объекты. На самом деле расщеплять исходный предмет было не обязательно, достаточно лишь считать и передать информацию о его состоянии. Но создавать избыточные клоны предметов было запрещено законом, и «телепортированные» объекты всё равно расщеплялись и выбрасывались в космос с пылью и отходами. Джек на мгновение задумался, что это, возможно, было слишком расточительно.

Лейтенант вспомнил, как о телепортах высказывался его отец. Он считал, что все эти законы, ограничивающие использование телепортации, вроде запрета на копирование органики или производство вещей без разрушения оригинала, вовсе не связаны с заботой о людях. Правительство не защищает интересы обычных граждан, а лишь поддерживает крупные корпорации, которым совершенно невыгодно распространение телепортов и наноассемблеров, собирающих любые предметы из песка, пригоршни камней или угольной пыли.

В распоряжении офицера оказался лишь портативный телепорт: он был только модулем, частью большого устройства. Джеку пришлось смириться с мыслью, что две остальные части были уничтожены во время падения шаттла капитана.

Настраивая телепорт на сверхбыструю передачу радио-

сигналов, Джек поймал себя на мысли, что больше всего на свете ему хочется услышать в ответ слова Глэдис. И это даже не удивило бы его. Телепорт жадно глотал сообщения Джека, сжимал их и отправлял по скоростному каналу.

Возможности этого модуля были ограничены: с его помощью Джек мог отправлять и принимать сигналы, а также собирать небольшие предметы: в высоту и ширину грузовая камера телепорта была немного меньше метра. Транспортировать предметы в другие места одиночный модуль телепорта не умел. Получалось, что если бы Джеку удалось забраться в камеру, телепортироваться на Землю он ни за что не смог бы – как бы сильно он этого ни хотел.

– Приём. Говорит старший лейтенант, офицер-исследователь Джек Сэллендж. Сообщите, каково качество сигнала? Видно ли моё изображение и слышен ли мой голос? – продолжал он, всё также стискивая пальцами переднюю рамку телепорта.

– Погоди немного, они ответят, сейчас там самое раннее утро, – внезапно оживилась Энн, проснувшаяся минут десять назад. Её голос звучал на удивление звонко, даже немного по-командирски.

Джек вздрогнул. Он не ожидал, что Энн, едва не погибшая после тяжёлого удара посадочного шаттла о поверхность планеты, уже может нормально разговаривать. В памяти промелькнули страшные кадры их падения: стекло в её шее, мертвенно-бледное обмякшее тело, которое ему приходи-

лось реанимировать. Джек не был врачом, но даже его биоинженерное образование позволяло заподозрить, что состояние офицера Энн Пэтроу явно критическое. С помощью регенератора он смог правильно обработать раны Энн, она получала нормальное количество питания, но на поправку почему-то не шла. Напротив, Джеку казалось, что день ото дня ей становилось только хуже.

Он подошёл к ней, взял за руку и внезапно для себя поцеловал тыльную сторону ладони, отметив, что она кажется слишком прохладной. На мгновение Энн стала ему родной и близкой, почти как старшая сестра. Джек почувствовал, что рамки субординации здесь уже не имеют значения: она больше не командир шаттла, не полковник, а он – не старший лейтенант. Они здесь одни в целой звёздной системе. Чтобы прогнать прочь эти мысли, он решил заговорить.

– Энн, ну почему же я не знал тебя такой раньше? – произнёс Джек неожиданно для себя и ощутил, как увлажнились его глаза. Он осторожно обнял ее, ощущая стойкий запах геля, оставленного регенератором на коже её шеи. В этот скорее технический, как показалось ему, запах жжёного металла вплетался аромат её взмокших от пота волос, разбросанных по белоснежной подушке.

Отстранившись, он увидел, как по ее сухим бледным щекам стекают слезы. Джек подумал, что за строгой внешней оболочкой высокого офицерского звания пряталась хрупкая уставшая женщина. Он чувствовал, что Энн тяжело осозна-

вать свою беспомощность. Ей ещё никогда не приходилось ощущать себя столь слабой. Но для Джека она была самой смелой и выносливой на свете, потому что совсем недавно он понял, что её настоящая сила заключается не в выдержке, а в умении доверять и быть настоящей.

Он дождался, пока Энн задремлет, а её дыхание сделается более ровным и глубоким. Нужно было разобрать оборудование и компактно расставить его в их небольшом стеклянном павильоне. Вечерело, и окна-панели постепенно затемнялись. Переставляя один из контейнеров со сканирующим микроскопом, Джек невольно заметил своё отражение в одной из панелей и удивился, насколько он исхудал и осунулся. Всегда подтянутый и спортивный, он словно кому-то одолжил как минимум одну шестую себя. Лейтенант давно уже забыл о своём виде и состоянии, особенно в последние дни, когда его поглощали мысли лишь о здоровье Энн.

«Да, дружище, схуднул», – подумал он, глядя на себя в панорамное окно.

Джек поднял руки вверх, напряг бицепсы и с ужасом обнаружил, что они почти вдвое меньше, чем были полгода назад.

«Чёртова экономия на воде! Если бы не остановки в космосе из-за неполадок корабля, – пронеслось в его голове. – Так и дистрофиком можно скоро стать. А мышцы тут явно лишними не будут». Он посмотрел в сторону спящей Энн, стараясь не думать, что ему придётся носить её на себе.

Джек ещё раз взгляделся в свое отражение и, приоткрыв широкую челюсть, надавил пальцами на ввалившиеся щеки. Исхудавшее лицо огорчало не меньше ослабившихся бицепсов. Ему показалось, что его серые глаза, ещё совсем недавно живые и искрящиеся, погрузились на дно глазниц и теперь недобро поблескивали мерцанием остывающего пепла.

Джек задрал серебристо-серую домашнюю робу и посмотрел на свой пресс, состояние которого уже давно тревожило. Квадратные бугорки солнечного сплетения сливались в напряженный монолит. Он попытался расслабить мышцы, но ничего не вышло. Такое иногда случалось, когда его одолевала тревога. Джек ненавидел это ощущение, когда в животе всё будто сгущалось и твердело, превращаясь в камень. Мышцы верхнего пресса сдавливали желудок, и он начинал поднимать тянущей, тупой болью.

– Труп с соломенными волосами, – он ухмыльнулся полущёпотом и поспешил вернуться к начатому делу.

2

Уже темнело, когда старший лейтенант Сэллендж остановился перед панорамной стеной недавно отстроенного жилого павильона и стал спокойно вглядываться в ночную темноту. Перед ним, в сотне метров впереди, виднелись два небольших холма и несколько валунов. Джек пил воду из стилизованной под двадцатый век чашки, которую прихватил с Земли, чтобы не забывать родную планету и город. Чудом она пережила крушение шаттла, оказавшись прочнее многих современных вещей...

Вдруг его внимание привлекло нечто невообразимое. Огромный валун внезапно зашевелился, слегка приподнялся, затем вновь опустился и откатился в сторону по песку. Трудно было разглядеть с такого расстояния все детали происходящего, но даже отсюда Джек увидел, как нечто, похожее на щупальце, обхватывает валун и тащит за собой.

По его спине пробежала дрожь.

Тут же он заметил движение и с другой стороны холма, разглядев в сумерках одного из местных травоядных – шарообразного бородавочника. Этот экземпляр двигался как-то странно, будто ковыляя, то и дело заваливаясь набок. Вероятно, это был детёныш, отбившийся от стаи, которая шла с водопоя.

Джек встревоженно наблюдал за происходящим. Несколь-

ко секунд он колебался, раздумывая, стоит ли поднимать с кровати Энн, но в итоге решил, что ей тоже нужно это увидеть.

– Энн, там какая-то явно странная хреновина, она тут совсем рядом, – он аккуратно потряс её, уже почти заснувшую, за плечо. – Я подумал, ты должна на это посмотреть.

– Уверен, что мне нужно это видеть? – строго сдвинув брови, спросила она.

– Определённо уверен! – решительно ответил Джек.

Его встревоженный вид на мгновение заставил её содрогнуться. Она стиснула зубы и безмолвно кивнула. За два с лишним года полёта на корабле лейтенант Сэллендж уже успел выучить, что полковник Пэтроу не привыкла демонстрировать свою слабость.

Джек помог ей доковылять до окна.

Они увидели, как шарообразный бородавочник на мгновение замер, а затем, словно что-то почуяв, резко вскочил на холм – но это оказалось его роковой ошибкой. В следующую секунду показался хозяин щупальца. Огромная тварь, высотой в три, а может, и все четыре метра взгромоздила свою тушу на холм, поднимаясь откуда-то сзади, с той стороны, что была скрыта от глаз Джека. Лейтенанту Сэлленджу показалось, что он видел уже не щупальце, а длинную конечность, которую венчал то ли острый клюв, то ли огромный коготь. Тут же рядом возникла ещё одна такая же, а затем показался громадный блестящий хвост. Тварь молниеносным

движением нанесла удар по бородавочнику. Завязалась потасовка, которую уже было совсем невозможно разглядеть в наступившей темноте. Офицер ни секунды не сомневался, что тварь утащила тушу несчастного бородавочника за холм и там же её разделала. Во рту у Джека всё пересохло, и в сознании внезапно всплыла фраза старшего механика Алана Фортса, сказанная им однажды на капитанском мостике: «... там, где есть травоядные, обязательно найдутся и хищники».

– Не хотел бы я повстречаться с этой тварью, – оцепенев от ужаса и неподвижно простояв несколько секунд, сказал наконец Джек – Алан, как же ты был прав, сукины твои секвенции!

– Да, верно, Алан был прав, – быстро ответила не менее напуганная Энн, вглядываясь во мрак пустынной темноты за окном, – здесь точно полно сюрпризов, рядом с которыми придётся выживать.

– Следует внимательнее относиться к безопасности. Я думал... – Джек на секунду осёкся, – просматривая сканерограммы на корабле. – Я думал, что эти травоядные бородавочники агрессивны и опасны, а они лишь цветочки да камушки...

– Надо проверять все замки. А ещё нужно забрать уцелевшее оружие из шаттла.

– Это верно.

На следующий день Джек старался всё делать в ускоренном темпе. Быстро дошёл с многосоставным роботом-по-

мощником до шаттла, быстро выгрузил оружие, также быстро взвалил его на робота и отправился домой.

По дороге назад он остановился неподалёку от холма, где вчера вечером они с Энн видели бородавочника и ту здоровую тварь. Он скомандовал роботу-трапечнику направляться к павильону, а сам свернул в сторону холма. Хоть и несильно, но ветер уже успел засыпать сине-зелёными песчинками место вчерашней бойни. Джек был начеку, в любой момент готовый вскинуть руку для выстрела.

Глубокие следы, оставленные тушей травоядного бородавочника, сползли с холма и уходили куда-то вдаль равнины к обособленной скалистой гряде, находившейся метрах в трехстах отсюда.

Холм был усыпан треугольными углублениями, рядом с которыми осталось несколько округлых следов от стоп бородавочника.

«Да, должно быть, мощная тварь, – размышлял Джек, – но где же она обитает?» Он постоял ещё несколько минут, настороженно озираясь по сторонам.

В его памяти крутился образ планеты, какой она была видна из космоса – оливково-зеленый шарик. На поверхности всё выглядело несколько иначе.

– Мы побывали в нескольких серьёзных передрягах, друзья, но сумели справиться с неполадками. Нам также удалось провести корабль по заданному курсу, – зазвучал в сознании Джека голос капитана Грэхэма. – Нерей – это планета с

перпендикулярной осью вращения. Для нас это значит, что на ней почти не заметна смена времён года. В целом климат даже чуть более стабилен, чем нынешний земной. Средняя температура на планете не поднимается выше 23 градусов Цельсия. Она меньше Земли и по массе равна 0,63 земных масс. Длина суток около 22 часов. На планете почти нет открытых водных поверхностей, за исключением двух небольших морей.

Перед мысленным взором Джека развернулась карта, которую он мог перемещать, то приближая горные хребты, то отдаляя поверхности ледяных шапок на полюсах планеты. Его мозг воспроизвёл кусок поверхности планеты с двумя морями, одно из которых было почему-то бирюзово-зелёным, а не синим, как второе.

– На планете будет сложно добывать воду, – продолжал в голове Джека своё спокойное повествование голос капитана, – но высокая влажность по утрам поможет компенсировать недостаток воды в регионе нашей высадки. Уровень кислорода на планете чуть ниже, чем на Земле, и составляет около 19 %, но на вас это не особенно скажется. Вы же тренированные, подготовленные люди, – Джек вспомнил улыбку под чёрными усами капитана и улыбнулся сам. «Где сейчас капитан и его помощник? – раздумывал Джек... – Неужели... ты и сам знаешь, что они не выжили...» С горькой досадой он пнул носком ботинка зеленовато-серую пыль и выругался вслух.

Его взгляд пробежал по блестящему песку, словно пытаюсь угнаться за яркими искрами, и вдруг, словно по зову какой-то безмолвной, но могущественной силы, устремился вверх. Что-то было не так с этим небом. Оно словно жило своей собственной жизнью. Джек вспомнил рассказ капитана про сверхплотные слои в атмосфере и необычные газовые явления. Он покрутил головой, стараясь охватить как можно больший кусок жёлто-зелёного неба. Облаков почти не было видно, но те, что удавалось заметить, формой походили на вытянутые полукруглые скобы.

«Они как-то странно двигаются, надо будет потом ещё понаблюдать за ними», – подумал Джек, сплюнул на песок и пошёл дальше. Слюна сперва зашипела, а затем распалась на несколько капелек, которые, в свою очередь, словно растворились на поверхности песка. На Земле влага из его слюны вероятно быстро испарилась бы, но здесь миллионы крошечных микроорганизмов впились в жидкое содержимое, бережно выкачивая крохотными клеточными насосами каждую молекулу воды.

В тот день, вернувшись в павильон, Джек почти не отходил от Энн. Ему казалось, что если он сможет развлечь её, развеселить, все страдания полковника Пэтроу чудесным образом пройдут сами собой, и она поправится.

Попутно, урывками, когда она спала, Джек подходил к телепорту и продолжал слать сообщения на Землю в Центр, в надежде услышать ответ хоть кого-нибудь с Земли.

В очередной раз работая с телепортом, Джек вдруг вспомнил, как несколько дней назад он долго и утомительно собирал устройство. Тогда Энн выглядела будто бы свежее, чем сегодня, но она так же много спала. Он то и дело подбегал к ней и сообщал, что уже вставил ту или иную деталь, а затем бодро пояснял, что главное – правильно зафиксировать сконденсированные аккумуляторы для зарядки всей установки. Она слегка улыбалась, одобрительно кивала головой и вновь засыпала.

3

Энн лежала совсем бледная, на её лбу проступил пот, дрожь била её измученное тело.

Только сейчас в свете ещё ярких лучей инопланетного солнца Джек вдруг обратил внимание на то, как сильно она исхудала. Тонкая кожа обтягивала её теперь особенно острые скулы, тёмные вены проступили на ссохшейся шее, руки стали синюшными и жилистыми. Она скорее походила на какую-то старуху из архивных фильмов позапрошлого века.

Лейтенант Джек Сэллендж предчувствовал, что что-то произойдет, но после того, как он принёс Энн воды, он услышал совсем не то, что ожидал.

– Джек, я должна тебе кое-что сказать, – начала она еле слышным, совсем осипшим голосом, чуть отодвигаясь к противоположному краю кровати, чтобы лейтенанту было удобнее сидеть рядом с ней.

– Я готов тебя выслушать, Энн. Только правду, – в его взгляде было нечто умоляюще печальное, и это помогло ей раскрепоститься и излить душу.

– Я хотела сперва сказать, что думала о тебе хуже, чем ты есть, – она на секунду прервалась, словно подыскивая нужные слова. Потом посмотрела на Джека решительно, словно поняв, что подбирать слова бессмысленно – остаётся только рассказать всё как есть, и продолжила, – ты мне казался без-

надежно молодым и глупым.

Джек знал, что по меркам тридцатисемилетней Энн он совсем ещё юнец. Она уже полковник, у неё за спиной немало полётов и успешных миссий. Энн была ещё из того поколения, когда работать или служить начинали уже в четырнадцать. Джека эта участь миновала. Его и Сэма, как теплич-ные растения, держали в лицее до семнадцати лет. Энн, бесспорно, имела право считать себя намного более опытной и зрелой. И все же ему нравились ее слова – похоже, она кло-нила к тому, что он превзошёл ее ожидания.

– Я и не думала, что ты окажешься таким сообразитель-ным... видимо, ещё умеют чему-то учить в Космической Академии, – продолжала она.

– Умеют, Энн, поверь, – улыбаясь произнёс лейтенант Сэллендж и положил руку на ее темные волосы, блестящие в проникавшем через окно свете чужого солнца.

Её выцветшие серо-зелёные глаза блестели в свете зеле-новатых лучей, просачивающихся сквозь стёкла павильона. Она с трудом сглотнула слюну и кивнула.

– Да, видимо ещё умеют... в общем, я благодарна тебе, спасибо...

– Это мой долг, полковник Пэтроу! – постарался бодро выговорить он.

Она попыталась изобразить улыбку, и от этого стало ещё заметнее, как исхудало ее лицо. Энн продолжила говорить, и Джеку показалось, что он запомнит ее слова навсегда.

– Я всё-таки должна сказать тебе правду...

– Какую? – он настороженно выпрямился, словно это могло бы ему услышать больше.

– Не уверена, что ты готов это услышать... – она тяжело вздохнула.

– Я готов! Не томи, пожалуйста, – почти умоляюще сказал он, нахмурившись.

– Я беременна, но, боюсь, что родить уже вряд ли смогу, – быстро отчеканила полковник Пэтроу.

– Но как? Это же запрещено... – Джек растерялся, его мозг словно отказывался поверить в услышанное.

– погоди, договорю... – Энн вновь тяжело вздохнула, приподняв плечи над кроватью. Это движение напоминало Джеку, как не раз тяжело вздыхал капитан Николс Грэхэм, когда корабль ещё только приближался к планете. Но у Энн были другие причины: опасные травмы и беременность. Плод явно отбирал немало сил. Джек сел рядом с Энн и взял её за руку. Он пристально смотрел на неё, изо всех сил стараясь выглядеть ободряюще, но получалось у него это плохо. Было заметно, что его пробивает дрожь.

– Я любила Ника, – произнесла она, посмотрев Джеку прямо в глаза. Сконцентрировав всю теплоту, что у него ещё оставалась, Джек заглянул в зеркало души Энн – её настоящие, чистые, открытые глаза, и прочёл в них немую просьбу не судить её строго. В этот момент офицер Пэтроу поняла, что может довериться лейтенанту. Сделав ещё один вздох,

Энн продолжила: – Он отвечал мне взаимностью. Я ведь оказалась на «АванЛайте» в том числе и из-за него. У звёзд, которые я изучала по поручению Агентства, такая же активность, как и у солнечной. И у этой тоже, – она кивнула влево, в окно, где сквозь полупрозрачные стёкла виднелся диск жёлто-зелёного светила.

– Никакого интереса сюда лететь мне не было, я не люблю планеты и живность, в экспедициях меня всегда привлекали лишь звёзды. Они и дают жизнь всему остальному... в них все загадки Вселенной. Они совсем одинокие... планет бывает несколько или даже много, а звезды почти всегда одиноки. Лишь иногда природа разрешает им быть вдвоём. Я тоже всегда была одна. Тихо служила службу, делала, то, что любила. Кроме Грэхэма у меня никого и не было. Мы вместе работали в двух миссиях, он не раз помогал мне, а я старалась выручать его. И однажды... – она умолкла.

Молчание тянулось несколько минут. Едва слышное дыхание Энн то и дело сменялось хриплыми протяжными вдохами.

– И однажды что? – осторожно спросил Джек, повернув голову, чтобы лучше слышать, но по-прежнему мягко касаясь рукой её волос.

– И однажды я поняла, что не смогу без него, – резко сказала Энн, и слова прозвучали как удар ножа.

Джеку и в голову не могло прийти, что такая строгая, целеустремлённая, взрослая по его меркам женщина могла вот

так запросто влюбиться в какого-то капитана корабля. Почти как в тех классических романах, какие они некогда изучали в лицее на занятиях по мировой литературе.

– Эээ... да, – растерянно произнёс Джек.

– И я напросилась в эту миссию.

Она рассказала, как было непросто попасть на «Аван-Лайт», как она вынуждена была дважды проходить отбор в команду, как долго не могли дать разрешения – кто-то в Агентстве не мог обеспечить ей протекцию... Будто бы случайно, мимоходом Энн напомнила Джеку о том, что правила строго запрещали интимную связь между членами экипажа.

– Однажды я осталась с ним наедине, в его каюте. А потом ещё раз, и ещё. Мы часто стали встречаться тайком. Наш путь к этой планете растянулся из-за неполадок, но я была счастлива, что у нас появилось больше времени. Мы не считали секвенций, наша ДНК казалась нам бесконечной, – она немного задержала дыхание и, чуть сощутив глаза, посмотрела в сторону Джека, словно в очередной раз оценивая – можно ли ему доверять. – Потому что я была рядом с любимым человеком. Старая, сорокалетняя тётка нашла своё счастье в укромном уголке космоса, – она как-то странно, недобро усмехнулась, потом посмотрела на Джека, будто пытаясь оценить его реакцию.

– Чего? – недоумевающе спросил лейтенант Сэллендж.

– А знаешь, Джек, я ведь перевидала немало парней, таких как ты, все в вас видно как на ладони... Молодых, ещё

совсем неопытных и самоуверенных... с вашей этой бело-снежной охмуряющей улыбкой, – вдруг выпалила она.

Джек не сдержался и улыбнулся, но по-доброму, словно его рассмешили старой необидной шуткой. Ему было двадцать четыре, и теперь он укорял себя за то, что ещё совсем недавно Энн ему казалось безнадежно старой. Сейчас Джек уже и сам не понимал, как её воспринимать. Много ли это – быть тридцатисемилетним?

Он пристально посмотрел на Энн, разглядывая овал её лица. Взгляд цеплялся за каждую морщинку и ямочку. Лицо офицера Пэтроу выцвело и посерело, а морщины оставили на коже отпечаток глубокой скорби. В таком обличье Энн напоминала ему престарелую мать его возлюбленной, рассказывающую историю своей молодости.

– Но ты меня приятно удивил, должна признаться... Ник, напротив, не был таким... он всегда был сдержанным, воспитанным и галантным. Он брал женщин другим. Не устояла и я... Я боялась, что о нашем романе кто-то узнает, но боялась не за себя, а больше за него... его ведь могли уволить. И тогда что?

– Что? – не выдержал Джек.

– Мне бы остались только звёзды, да и то, те, что на погонах. А его бы звёзды слетели...

– Когда ты узнала о его болезни?

– О, это произошло по глупости... – она попыталась улыбнуться, но ей удалось лишь подобие оскала. – Ник подозре-

вал, что силовые установки с отклоняющимися полями не всегда работали исправно, особенно в моменты экстренных торможений, – она остановилась, немного прокашлялась. Джек дал ей глотнуть воды, после чего её рассказ продолжился. – Но он принял решение оставаться в плохо защищённом от космической радиации отсеке, даже в те моменты, когда там было совсем опасно. Я знала, что у него была боязнь замкнутых пространств. Он никому не говорил много лет и до этого справлялся, но, видимо, все эти неполадки с двигателями корабля окончательно дестабилизировали его состояние, – Энн попыталась глотнуть, но у неё не получилось. Тогда Джек встал и принёс ей ещё немного воды, чтобы смочить горло.

– Он поэтому и поселился в каюте с иллюминатором. Я понимаю его. Ему нужно было хоть как-то снять стресс, – она сделала ещё глоток, приподняв голову с подушки. – Представляешь какво это – спать в каюте без окон, когда ты с детства этого боишься?

– Нет, никогда не думал об этом, – покачал головой Джек.

– И однажды он сообщил мне, что результаты очередного медицинского обследования выявили у него рак, который перекинулся на лёгкие, – чуть поджав нижнюю губу, продолжила Энн. – Быть может, он... он знал об этом и раньше, но сказал, когда в одну из ночей я нащупала у него уплотнения на шее. Я видела такие уплотнения у своей матери, когда та отказалась лечиться. Она умерла, как и все, кто отказывался лечиться должным образом.

– И почему в медотсеке ему не смогли помочь... как же наноботы, которые должны были расщепить раковые клетки? – изумлённо вскинув вверх брови, спросил Джек.

– У него был такой редкий тип иммунитета, для которого ещё нет совместимых наноботов. У него были почти все типы наноботов, кроме противоопухолевых. Они отторгались. Сначала я не могла принять это. Я тогда кричала на него в порыве бешенства. Я ругала его за то, что он продолжал жить всё в той же небезопасной капитанской каюте. Поначалу ремодуляция помогала, частично омолаживая клетки и приостанавливая развитие болезни. Но в какой-то момент мы оба поняли, что время упущено, ему нужно было серьёзно лечиться, а не этими... стандартными ремодуляторами старого образца. Да и Грэхэм, по правде говоря, был старой закалки. Не любил он медотсек и технологичную медицину. Ему даже не нравилось искусственное оплодотворение. Вообще... он не хотел, чтобы я избавлялась от ребёнка.

– А почему он согласился лететь, зная о своих особенностях? – изумлённо спросил Джек.

– Для Грэхэма было важно выполнить поручение Центра, – она прокашлялась. – Руководитель внутригалактических миссий Норвэлл мог доверить задание только ему. Во всяком случае так сказал Грэхэм, и я ему верю. – Прищурившись, она пристально взглянула в глаза Джека, – ты ведь его сам хорошо знаешь, Норвэлла. Грэхэм говорил, что вы с его сыном учились.

– Верно, – Джек утвердительно покачал головой.

Он постарался скрыть смущение. Ему было неприятно, что Энн знала о том, что он попал на корабль не без помощи высокопоставленного чиновника Агентства.

– Но Норвэлл не знал о клаустрофобии Грэхэма. Думаю... он бы мог подыскать кого-то другого, – она глотнула воздуха. – А может, и не мог.

Джек нервничал ещё больше. «Что ещё ей известно? Почему мне никто об этом не рассказывал? – крутились в голове вопросы. – Вероятно, потому, что я слишком молодой или из-за того, что дружу с семьёй Норвэллов?»

– А когда ты узнала о беременности? – лейтенант Сэллендж решил сменить тему.

Джек чувствовал ее внутреннюю борьбу. Несколько секунд поколебавшись, Энн решила, что стоит рассказать всё до конца.

– Поднимаясь на борт корабля ещё перед запуском, я предвидела, что такое вполне может произойти между нами. На этот случай у меня были пилюли от зачатия, и я их принимала, если знала, что иду к нему. Но однажды я их забыла. Я была тогда так рада, что ему полегчало, что не подумала о мерах предосторожности. Этого раза хватило... Дура. Сама раньше не понимала, как другие оказывались в подобных ситуациях.

Она осеклась, потом помолчала. И набрав в грудь настолько много воздуха, насколько это было возможно в её состо-

нии, вновь продолжила.

– Понимаешь, ведь долгое время только я одна знала о его болезни. Ты меня понимаешь?

– Да, Энн, я тебя понимаю. Только продолжай. Я всё понимаю... мы одни здесь, нас больше некому судить. Только ты и я. Ты... сама, главное... – о не знал, что сказать, как закончить, – ты сама себя, главное, не вини.

– Спасибо... уже не виню. Я узнала, что беременна... но с тех пор я стала бояться медотсека как огня. Если бы в Агентстве узнали, что я вступила в связь и забеременела, то по возвращению на Землю меня ждало бы суровое наказание. Меня бы уволили и лишили всех званий.

– Да, я понимаю.

– Несколько раз я пропустила посещение медотсека, зная, что все мои данные будут записаны в протокол и переданы в Центр. Вопреки всем правилам, Ник разрешил мне не ходить туда. Уж лучше было нарушить протокол посещений, чем... Агентство узнало бы всю правду.

– Я... я даже не представляю, я бы выпрыгнул в космос, если бы что-то во мне росло, – Джек сам понял, что это прозвучало глупо, но все-таки попытался пошутить, чтобы хоть немного сбросить напряжение.

– Лора тогда что-то заподозрила, когда я стала пропускать обследования, – словно не заметив шутку Джека, продолжила Энн, – но она держала язык за зубами, за что я ей благодарна. Варпол вроде бы даже и не заметил. Он на своей ве-

сёлой волне был, – она печально улыбнулась.

– Я помню, что ты сильно потеряла тогда в весе, – среагировал Джек. – Алан меня спрашивал – может ты тоже заболела, как и капитан.

– И что ты ему ответил? – сипло спросила полковник Пэтроу.

– Сказал, что вряд ли, честно говоря, уже не помню, что ответил, – он пожал плечами, поджав нижнюю губу.

– Да, Алан был единственный, кто ко мне приставал с расспросами. Вот мерзкий тип, – она закашлялась.

– Прости, – Джек замялся.

– За что?

– За то, что напомнил тебе об Алане и ещё за то, что спрашиваю тебя обо всём об этом. Просто ты и правда тогда так похудела. Я за тебя переживал и остальные, думаю, тоже.

– Вот-вот... – усмехнулась Энн. – Ты же помнишь, что питались мы экономно, а плоду вообще нужно было особое питание. Он стал отнимать у меня силы, и это несколько осложнило моё положение. Я знала, что плод развивается, но не так, как положено, а гораздо медленнее. И тогда я съела пригоршню отравы, чтобы убить эмбрион, но у меня не получилось... выкидыша не произошло.

– Вот почему ты ходила такая угрюмая... На тебе лица не было, – Джек посмотрел в окно, прокручивая тяжёлые воспоминания о тех последних месяцах, что он провёл на «АванЛайте» перед высадкой. Он вспомнил, как Энн ходила

печальная и поникшая, как она самой последней, чтоб её никто не заметил, возвращалась после очередного профилактического осмотра. Он тогда не понимал, чем было вызвано её состояние, но сейчас картина ясно складывалась в его сознании, словно невидимая белка одну за другой раскусывала скорлупки орехов-секретов, обнажая ядра истинной реальности.

– Да... а сейчас ещё стала похожа на ссохшийся труп, – усмехнулась Энн уголком сухих губ.

Джек сжал пальцы в кулак и закусил их. Его взгляд метался по комнате, а перед мысленным взором вставали воспоминания о встречах с Энн за последние полгода. Ему хотелось задать очень много вопросов, но ответы на большинство из них он не был готов услышать. Лейтенанту Сэлленджу было страшно за свою коллегу. Он прикусил указательный палец так сильно, что от внезапной боли в его серых глазах показались слезы. Тусклый свет дежурной иллюминации отразился в капле, прокатившейся по его щеке. Энн не заметила этого, её взгляд был болезненно рассеянным и пустым.

– И ты плакала в тот день после обследования потому, что понимала, что всё ещё беременна и об этом узнает Агентство? – наконец спросил он, проморгавшись и посмотрев на Энн.

– Что? – словно возвращаясь в реальность, растерянно переспросила она.

– Я про беременность... Я видел, как однажды ты шла из

медотсека и плакала. Прости, что подглядел за тобой...

Эта мысль снова болезненно уколола его... Он корил себя за то, что позволил проследить за полковником Энн Пэтроу.

– Да, – словно приходя в себя, сказала она, – Ничего... теперь уже неважно. Николс узнал о моей беременности не сразу. Он настоял на том, чтобы я всё-таки пошла в медотсек перед высадкой. Нужно было проверить мой общий медицинский статус и узнать, в каком состоянии находится плод. Уже терять было особо нечего, но можно было хоть попробовать обезопасить себя от проблем со здоровьем. Мы планировали телепортировать медицинское оборудование с Земли и вылечить Грэхэма, но понимали, что это лишь наивные фантазии.

Джек выслушивал её с ощущением, что это всё ему чудится, что это всё не наяву, а в каком-то параллельном мире, просто похожая на Энн женщина что-то рассказывает про такую же ситуацию. И он бы в этот момент отдал всё, чтобы это оказалось именно так.

– И ещё, Джек... Ник хоть и был всегда немногословен, но кое-что он всё же рассказывал... он сказал, что планета не так безобидна, как кажется. Зонды успели передать часть информации, пока мы летели сюда... Кое-что Агентство сообщило и Нику, – она остановилась, подумала и продолжила – а ещё у них там какие-то тёрки в Агентстве, но точно мне Ник ничего толком и не рассказал.

– А что ещё известно о планете и нашей миссии? – взвол-

нованно спросил Джек.

– На самом деле – не так много, помню только, что нас всех сильно торопили, – она резко повернула голову в его сторону, – а тебя как? Тоже подгоняли?

– Эм, ну не знаю, – он почесал затылок и растерянно скрипел рот, – да я уже не особо помню. Просто я как узнал о миссии, так и попросился. Там и времени особо на раздумья не было.

– Ясно, – она задумчиво посмотрела куда-то перед собой, – надо выяснить, что осталось от других шаттлов. Центр может и не выйти на связь.

От этих её слов Джеку захотелось поёжиться.

– Я постараюсь отыскать их.

– Кого? – в её голосе отчётливо ощущалась злоба.

– Я хотел сказать, остатки шаттлов, – Джек солгал.

Внутренне он всё ещё надеялся, что кто-то мог выжить после крушения.

4

С утра, взяв с собой робота-трапечника, Джек отправился в шаттл, чтобы окончательно разобрать вещи и забрать остатки провизии. После ночного появления твари Джек стал вдвое осторожнее. Выходя из павильона, он старался брать с собой оружие и разведывательных дроидов-старфишей. Эти небольшие роботы, походившие на шестиконечных морских звёзд, были созданы, чтобы проползать вперед, забираясь в самые труднодоступные места. В случае опасности они, а не члены экипажа, принимали на себя первый удар. Оба старфиша уползли вперед, не подавая сигналов об опасности, поэтому, стараясь не отставать от гусеничного трапечника, Джек смело шагнул к шаттлу.

Глядя на блики солнца, играющие на блестящем корпусе робота, Джек вспомнил, как после их жёсткой посадки робот сам выкатился из ниши грузового отсека.

Дроид чем-то походил на популярную в двадцатом веке игрушку – «змейку Рубика». Такая игрушка досталась Джеку от его прадеда, и он бережно хранил её как послание из прошлого от своего знаменитого предка. Вручая игрушку девятилетнему Джеку, его отец торжественно сообщил, что змейка Рубика – это символ вечной перестройки всего живого и неживого, олицетворение нескончаемого вектора эволюции.

Сперва маленький Джек прохладно отнёсся к подарку от-

ца, но уже спустя несколько дней он оценил всю увлекательность игрушки и бесчисленные возможности её трансформации. Оставаясь наедине со своими детскими мыслями, он мог подолгу вращать и складывать шарнирно соединённые элементы, превращая их в замысловатые фигуры. Позже, учась в Академии, Джек вспоминал, что в детстве чаще всего он всё же собирал из сегментов игрушки различных животных. Уже тогда его тянуло к работе с живыми системами. До поступления в Академию он мечтал летать на шаттлах по межпланетным маршрутам. Там, среди разноцветных шариков космических тел, казалось ему, скрывается настоящий вселенский рай. Космос манил Джека своей непредсказуемостью и таинственностью, но больше всего его интересовали взаимовлияния объектов – например, он любил порассуждать, как далеко бы отнёс его шаттл газовый глаз урагана на Юпитере или как сильно бы сплющило морскую черепаху под огромным атмосферным давлением ещё не колонизированной Венеры. А ещё Джек любил сложные молекулы. Комбинации из атомов напоминали ему трансформации в змейке Рубика. Возможно, поэтому, обучаясь в космической Академии, он выбрал специализацию по биоинженерии.

В отличие от призм, из которых состояла игрушка Рубика, сегменты робота напоминали скорее усеченные пирамиды с гранями-трапециями. Надежно балансируя на опорной платформе, робот уверенно удерживал два приподнятых и растопыренных в разные стороны концевых сегмента-мани-

пулятора. В высоту он был около полутора метров, а вытянувшись в полный рост, мог бы оказаться и ещё выше. Каждая трапеция была покрыта идеально гладкой серовато-белой глазурью с несколькими тонкими тёмно-коричневыми полосками внизу и справа на боку. Верхняя правая часть постоянно извивалась, отчетливо напоминая голову змеи.

Когда Джек впервые столкнулся с роботом, он был потрясён, слегка напуган и одновременно заморожен творением инженерной мысли. Раньше таких роботов он вживую не видел – лишь разглядывал изображения на занятиях по обеспечению звездолётов, и эти изображения выглядели далеко не такими впечатляющими.

Робот несколько раз изогнулся петлей, взмахнул «конечностями», внезапно напомнив Джеку огромную земную птицу, которая собирается взлететь, а затем вытянулся в длинную змею, состоящую из множества сегментов. Трапечник покатился по сине-зелёному песку степной пустыни, распластавшейся вокруг павильона, и там, где он соприкасался с землей, загорались яркие шарики моторного коврика, которые цеплялись своими ворсинками за мельчайшие детали рельефа. Изготовленные из пластичных композитных материалов, ворсинки могли модифицировать свою структуру, плотность и форму. Это позволяло роботу молниеносно изменять траекторию движения. В некоторых случаях трапечник мог поднимать центральную часть вверх, шагая на боковых сегментах, как на ходулях.

Джек старался поспевать за роботом, но всякий раз, прибавляя шаг, чтобы его догнать, он не мог удержаться от мысленного восклицания в духе: «Вот диковинная хреновина!»

Когда они подходили к хвостовой части шаттла, лежавшей на земле метрах в семистах от их недавно выстроенного павильона, трапечник поднял боковые сегменты и сложил над собой. Глядя на небрежно лежащую махину двенадцатиметрового шаттла, Джек невольно подумал, что эта посадка стала для него не только первым, но и последним полетом на летательном аппарате этого типа.

Всего недели две назад, находясь на корабле «АванЛайт», он не переставал восхищаться изящными конструкциями шаттлов. Аппараты напоминали Джеку вытянутое тело рыбки с аккуратными иголочками-зазубринами на хвосте. Их тонкие плавные линии вызывали в его голове настоящий термоядерный взрыв из смешения всевозможных эмоций. Перед вылетом он не без любопытства наблюдал за тем, как инженер их корабля, Фрэнк Варпол, проводил последнюю проверку – обходил каждый шаттл и внимательно заглядывал под боковые стабилизаторы, а затем осматривал хвостовую часть, в том числе и расположенный в ней нижний люк грузового отсека. И это не была дань традиции. Обычно проверкой состояния техники занималась система интеллектуального анализа. Как показалось Джеку, капитан был чем-то серьёзно обеспокоен, поэтому он поручил Фрэнку прове-

сти дополнительный осмотр оборудования в ручном режиме. Тогда лейтенант списал это на консерватизм капитана, но сейчас он так уже не думал.

Джек отодвинул вниз крышку этого люка, теперь уродливо искореженную, и пропустил робота вперёд. Трапечник с элегантной лёгкостью вкатился по крышке в пространство шаттла. Джек полез следом.

Забравшись внутрь грузового отсека, он заметил что светло-бирюзовая, местами отсвечивающая зелёным и голубым, пыль, смешанная с песком и гравием, уже плотным слоем покрыла пол и некоторые контейнеры, лежавшие близко к люку. Это зрелище раздражало Джека. Ему показалось, что пыль словно живая, она хочет засыпать весь шаттл и навсегда оставить их здесь – одних на чужой, жестокой планете. Джек подбежал к отверстию люка и, нервно шаркая по полу ботинком, попытался вымести пыль вон из отсека.

Вдруг вспомнив, зачем он пришёл, Джек отдал роботу голосовую команду – отыскать и собрать весь сохранившийся провиант. В грузовом отсеке оставалось немало исследовательского оборудования, компактно запакованного в металлические контейнеры. Ящики были разбросаны по всему дну отсека. Переставляя очередной контейнер, Джек бросил взгляд в сторону круглого отверстия – люка, ведущего в полутёмную кабину пилотов. Там по-прежнему тускло горели белые и оранжевые лампы аварийной иллюминации.

Джек вошёл внутрь кабины, стараясь не вглядываться в

острые изломанные контуры разбитой панели управления. В его мыслях всплыли воспоминания, окрашенные в цвет крови. Он ещё раз припомнил, как они с Энн пролежали там несколько часов после падения. В тот момент он считал её уже мёртвой. Он уже и сам не помнил, как извлекал огромный кусок стекла из её шеи, как останавливал кровотечение. Коричнево-чёрная лужица засохшей крови рядом с креслом пилота служила зловещим напоминанием о том утре.

Джек неприятно поёжился, вспоминая как он, словно растерянный мальчишка, метался внутри шаттла, пытаясь как-то помочь Энн. Думать об этом было неприятно, для него, офицера, подобное поведение считалось непростительным. Однако ему было, на что переключиться. Сейчас её состояние беспокоило лейтенанта больше, чем что-либо другое. Он пообещал себе сделать всё, чтобы она выжила.

На корабле, который остался там, на орбите планеты, они не были близкими друзьями с Энн. Джек вообще считал себя изгоем. Он был самым молодым, неопытным, для кого-то из членов экипажа – возможно, даже жалким.

Энн не раз одаривала его строгим взглядом, а однажды она назвала его бездельником. В тот момент ему было плевать, но сейчас ему сделалось совестно. Джек знал, что попал в экспедицию лишь благодаря тому, что его отец был известным врачом, а отец его лучшего друга, Сэма, руководит департаментом внутригалактических миссий космического агентства.

Глядя на то, как трапечник бодро грузил на центральный сегмент контейнеры с водой и провизией, Джек улыбнулся и легонько стукнул его кулаком по корпусу.

– Дружище, может, всё ещё не так плохо? – обратился он к роботу.

В ответ нижняя часть центрального сегмента робота стала переливаться разноцветными волнами. Трапечник радовался своему командиру.

Джек вспомнил, что об этих устройствах рассказывали в Академии. Этот робот – гусеничный трапечник «Кроулер трэйп 2188 А» – был сконструирован в бюро роботизации Космического агентства сорок пять лет назад для выполнения разгрузочных, сортировочных и строительных работ. Такие роботы оказались просто находкой для миссий по освоению землеподобных планет. Благодаря разделению на звенья, которые могли разъединяться и собираться вновь, такие роботы легко преодолевали сложности каменистых ландшафтов.

В своё время Агентство сделало на них огромную ставку во время четвёртой попытки освоить Марс, но все же та попытка, к великому сожалению всего человечества, закончилась провалом, как и все предыдущие. Марс оказался не по зубам землянам – во всяком случае, пока что. Но Джек верил в то, что однажды освоить Марс удастся, и они будут туда летать всей семьёй вместе с женой Глэдис и детьми (а возможно уже и внуками) на экскурсии по живописным ме-

стам, полным зелёной растительности и прозрачных голубых озёр. После очередного провала миссии колонизации и терраформирования Марса по Агентству вообще поползли слухи о прекращении финансирования подобных программ, но этого всё же не случилось – в противном случае Джек никогда бы не оказался на Нерее.

Агентство припасло несколько гусеничных трапечников в обход запрета на их использование, и сейчас один из них и помогал старшему лейтенанту Сэлленджу. Джек знал, что из-за запретов, наложенных на интеллектуальные машины, робот не так умен, как мог бы быть, но все же трапечник умел понимать простые команды, отслеживать повороты головы и движения глаз людей. Также он был запрограммирован во всём содействовать человеку в случае, если последний попал в сложную ситуацию. Помощник капитана Алан не раз рассказывал, как в миссиях именно трапечники протягивали аэронавтам руку (если так можно вообще выразиться) помощи: кого-то вытаскивали из ям и кратеров, некоторых тащили на себе, когда те уже не могли идти от усталости.

Справившись с внушительной частью оборудования, Джек решил, что перенесёт остальные вещи позже. Вылезая из люка шаттла, Джек поправил электрофотонный плазмострел на рукаве. Это было оружие Энн. В один из первых дней, когда она ещё находилась в шаттле, Энн вытащила оружие из потайного сейфа рядом с креслом пилота и отдала Джеку.

Джек огляделся по сторонам: вокруг раскинулись просторы песчаной равнины с редкими вкраплениями некой растительности.

Прохладный, похожий на морской бриз ветерок обдал офицера с головы до ног. Гул одинокого ветра застыл у него в ушах. Никакой живности или крупных растений поблизости не наблюдалось. Но пейзаж радовал глаз, и его даже можно было бы назвать успокаивающим. В дневном жёлто-зеленоватом свете звезды, заботливо обогревавшей планету, синий песок степной равнины выглядел почти бирюзовым, валуны походили на огромные самоцветные камни, искрящиеся на свету, а скалистые гряды казались застывшими тёмно-синими истуканами. Пейзаж планеты выглядел по-своему живописным, даже изящным в своей чудесно подобранной гамме холодных цветов. Но Джек не мог отделаться от мысли, что сквозь изящество сине-зелёных оттенков проступает мертвенный холод бездушия и отчуждённости.

Держа наготове оружие, он медленным шагом пробирался вперёд по равнине всё ближе к гряде невысоких скалистых пород мимо округлых и овальных валунов. Он шёл к их новому дому.

Слабый ветер трепал его тёмно-русые волосы. Песок по большей части был крупнозернистым, а от каждого шага в воздух легко вздымались вверх тонкие зелёно-голубые или молочно-фиолетовые столбики мелких песчинок. Джек вновь отметил, что сила притяжения на планете действи-

тельно меньше. Он почувствовал себя пятнадцатилетним подростком, и ему отчаянно захотелось подпрыгнуть вверх. Несмотря на то, что он должен был уже привыкнуть к новой гравитации за время, проведённое на планете, его мозг всё же предвосхищал земное притяжение и всё никак не мог сопоставить видимое с ощущениями. Тишина, тепло и сухо, лёгкий гул, слабое дыхание ветерка, шорох песка под камуфляжными ботинками. Вот что окружало офицера. До павильона оставалось совсем немного.

Он дошёл до невысокой скальной гряды. Скошенные скалы вторгались в степной пейзаж, образуя выступ почти идеально правильной формы. На вид высота самых протяженных скалистых образований была не больше восьми метров, а длина в основании – около десяти метров. Некоторые были совсем узкими, по три-четыре метра. Скопления по пять-шесть скалистых возвышений соседствовали с одинокими каменными великанами, которые вздымались над полупустым ландшафтом равнины.

Подойдя к ближайшему уступу, Джек услышал шуршание где-то спереди. Он прислушался – шуршание как будто стихло – задрал голову и осмотрел верхушку скалы. Одного из старфишей он уже отпустил вперёд, а в левой руке держал вторую звезду, которая шевелила и вращала своими девятью ножками, явно желая высвободиться и начать заниматься тем, для чего её готовили создатели. Джек присел и положил звезду на песчаную поверхность. Она мгновенно

поползла куда-то вдоль гряды. Поочередно переставляя маленькие ножки, она подбиралась к самому краю скального возвышения, как внезапно откуда-то слева из-за одной из скал снова послышался шорох. Джек встал, выставив вперед руку с плазмострелом наготове. Шорох повторился, а за ним последовал звук, похожий на шипение. Джек замер, прислушиваясь поочередно то к звукам за скалистой грядой, то к стуку своего сердца. Немного поразмыслив, медленно, почти крадучись, он стал отходить вбок от гряды, чтобы освободить себе пространство для манёвра в случае опасности.

Когда звезда добралась до края гряды и начала скрываться за каменистым возвышением, шорох на секунду стих. На какое-то мгновение повисла тишина, не считая всё того же лёгкого гула в ушах, как вдруг старфиш вылетел из-за боковой скалы, будто его с силой отшвырнули. Послышался отчётливый топот. Шарообразное существо на двух ногах с огромными каменистыми наростами-бородавками выскочило из-за скал. Раздался пронзительный рёв. Звезда к тому моменту успела прийти в себя, восстановив координацию. Она направилась к Джеку с невиданной скоростью, будто ища у него защиты. На песчаной поверхности за ней оставались неглубокие борозды, но Джек не обращал на это никакого внимания.

Существо не замедлило двинуться за звездой в сторону Джека. Его округлая, почти полутораметровая тушка довольно быстро перемещалась на толстых ногах благодаря низкой силе тяжести. Встреча с одним из каменистых наростов на туше грозила Джеку травмой или даже смертью. Глаза лейтенанта Сэлленджа распахнулись от неожиданности и ужаса, ступор сковал всё его тело. Всё, что он смог сделать – это резко выбросить вперед правую руку, активируя закрепленное на ней оружие. Вспышка света вылетела из плазмострела – сферический сгусток электрофотонной плазмы

устремился в сторону существа и угодил ему в правую конечность.

Существо, к тому моменту уже почти настигшее Джека, резко повалилось набок и кубарем прокатилось в сантиметре от него, издавая пронзительный рёв. Ещё одна вспышка света, и вновь шар плазмы вылетел вперёд. Это автоматическая система распознавания фотонной пушки засекала ещё одно шарообразное существо. На этот раз снаряд угодил чуть выше того места, где голова переходила в туловище и начинался панцирь с ороговевшими наростами-камнями. Второго монстра откинуло назад и перевернуло вверх тормашками. Теперь он пытался подняться, бессильно болтая ногами в воздухе и размахивая коротким хвостом. Придя в себя после охватившего его ужаса, Джек вспомнил, что одно из этих существ в ту ночь утащила хищная тварь. Про этих существ он знал и ранее – из видеоматериалов, которые им показывал капитан.

Фотонная электроплазма не убила каменных бородавочников, она лишь оглушила их на время. Пушка крепилась на рукав двумя кольцами с датчиками пульса, давления и психо-эмоционального напряжения офицера. Они анализировали состояние лейтенанта и принимали решение о том, насколько мощным должен быть снаряд и как он сработает. На этот раз датчики приняли решение выпустить снаряды умеренной силы. Они разрывались до подлёта и наносили увечья лишь посредством ударной волны. Такие снаряды не должны

были серьёзно повредить защищенным толстой кожей существам.

Пока второй бородавочник пытался вернуть себе прежнее ощущение земли под ногами, Джек стал осторожно приближаться к первому – тому, что с травмированной ногой. Теперь рёв существа был жалобным, а не угрожающим, как в те первые минуты. Его правая нога изрядно деформировалась, а вторая была вывихнута. Четыре узеньких тёмно-синих глаза двигались вверх-вниз. Существо выглядело затравленным и напуганным. На мгновение Джеку показалось, что бородавочник просит пощады, извиняясь за своё слишком опрометчиво наглое поведение. Прихватив старфиша, Джек побежал в сторону шаттла за регенератором. Он знал, что их отправили сюда с исследовательской миссией, а не за тем, чтобы они калечили представителей фауны.

– Что там? – услышал он встревоженный голос Энн, вбегая в павильон за регенератором, оставленным на столе перед панорамным окном.

– Бородавочники, целых два, – кратко ответил Джек и схватив регенератор, побежал к заднему грузовому отсеку.

– Ты ранен? – вскрикнула вдогонку Энн, приподнявшись с кровати.

– Нет, они ранены!

Он выбежал из портала павильона и помчался в сторону скалистых гряд.

На секунду в его голове пронеслась мысль: «Не безумие

ли всё это? Зачем я тут несусь к какому-то монстру? Бред какой-то».

Когда он пробежал сто пятьдесят метров до той гряды, перевёрнутого бородавочника уже не было, остался только один – с подстреленной ногой. Джек осторожно приблизился к существу, на всякий случай, приготовившись резко отвести руку для атаки. Бородавочник не стонал, а лишь испуганно вращал своими маленькими глазками, скрытыми в узеньких щёлочках. Упираясь здоровой ногой, он пытался отползти в сторону. Джек поднёс регенератор к раненой конечности существа. Прибор сперва долго калибровал ткани, а затем приступил к работе. Когда миниатюрные булавовидные щупальца регенератора вонзились в опалённую рану бородавочника, тот сперва дёрнулся, издав протяжной рёв, а потом также резко успокоился и замолчал, почувствовав облегчение.

– Значит, мы похожи по структуре молекул и клеток, – слегка ободряющим, весёлым тоном сказал Джек, всё также держа правую руку наготове, а левой поддерживая регенератор.

Согласно протоколу В-414z Джек имел право собирать только биоматериал клеточного и молекулярного уровня. На кратком курсе обучения перед вылетом Джеку объяснили, что сектор их высадки находится в относительно безопасном месте, где нет агрессивных существ.

Также ему сообщили, что признаков радиационной или

биологической опасности для аэронавтов не выявлено. В рамках миссии в задачи Джека входил лишь анализ генетического материала в образцах, собранных дронами-старфишами. Однако протокол не запрещал вступать в контакт с любым из существ в секторе высадки, кроме тех случаев, когда биологические объекты проявляли явную агрессию.

В протоколе не было сказано ни слова относительно применения оружия. Джек понимал, что в сложившейся ситуации он уже вряд ли сможет действовать исключительно по протоколу.

После окончания процедуры Джек заметил как регенератор заметно полегчал, выделив много живительной биомассы для восстановления тканей бородавочника. Некоторое время животное оставалось неподвижным, а затем, поняв, что нога теперь не болит и ею можно шевелить, перевернулось и встало на обе конечности. Оглядевшись по сторонам, бородавочник бросил беглый взгляд на своего врача в лице лейтенанта Сэлленджа и поспешно удалился по равнине в сторону далёких кустарников.

Джек долго смотрел ему вслед, не веря своим глазам. Всё это казалось ему нереальным, словно он попал в нарисованную кем-то картину. Но это и была та самая реальность, с которой лейтенанту Джеку Сэлленджу предстояло столкнуться.

Биологические объекты Нероя (Неро-8 по кодификатору). Пособие по ксенобиологии

Каменных бородавочников (herbivore wartstone) относят к бипедальным (двуногим) представителям типичной фауны околоэкваториальных зон. Наросты («бородавки») представляют собой матрикс кератиноподобного вещества, способный встраивать в поры между молекулами частицы из оксида кремния. Несмотря на большую массу тела, животные могут развивать скорость до 55 км/ч.

Раздельнополы в отличие от большинства других травоядных обитателей планеты. Во время гона их плотная кожа с панцирем из каменных бородавок становится смертоносным оружием в соперничестве за самку. Этим объясняются вспышки агрессивных форм поведения внутри стаи. Несмотря на сложное взаимодействие особей внутри стаи во время гона, в целом каменные бородавочники достаточно спокойны. Агрессию по отношению к представителям других видов способны проявлять лишь в критические моменты. Полагают, что миролюбивый характер большинства травоядных существ связан с отсутствием жесткой конкурентной борьбы за самку.

Темнело. Острые лучи звезды, словно щупальца, скользили над песком степной пустоши, пробиваясь через колючие

макушки местных кустарниковых колючек. Джек посмотрел вокруг, и у него внутри все сжалось, будто где-то в его теле затаилась черная дыра, пожирающая его изнутри. Ноги сделались резиново-ватными, а поступь – невыносимо тяжёлой. Джек не хотел здесь быть, он всем нутром желал закрыть глаза и забыть всё увиденное. Навсегда. Стиснув зубы, он заставил себя двигаться дальше, в сторону павильона, где в его помощи нуждалась сильная, но совершенно изнемождённая болезнью женщина.

Джек вошёл в их совсем небольшой стеклянный жилой дом. Энн полусидела на кровати, отвернувшись к боковому окну. Джек не мог видеть её лица, но он невольно отметил, как лёгкое одеяло подчёркивает строгие изгибы её стройной фигуры. Даже в столь болезненном состоянии, Энн оставалась эффектной и яркой. От этой мысли Джеку сделалось ещё тоскливее.

Услышав тихие шаги своего напарника, полковник Пэтроу развернулась лицом к входному portalу.

– Что там? – её голос звучал встревоженно, но твёрдо.

– Да, полечил бородавочника, в которого случайно попал, – небрежно бросил Джек, снимая с руки плазмострел.

Она зябко поёжилась, а затем тяжело и протяжно вздохнула.

– Холодает, – выдавила она, медленно потирая правой рукой плечо.

– Да, уже скоро будет закат, – отряхивая походную куртку ответил Джек.

Их взгляды встретились. Джеку показалось, что её глаза стали впалыми. Она развернулась, легла на спину и чуть сползла вниз. Джек замер, наблюдая за Энн. Он понимал, насколько ей неприятно выглядеть столь немощной в его глазах.

– Джек, я не хочу умирать, – внезапно не выдержала она. Ее пересохшие губы дрогнули, а по щекам покатались слезы. – Вот так, на чужой планете...

– О чём ты, Энн?! Никакой смерти! Только жизнь! – Джек подскочил к ней и крепче, чем нужно было, схватил за плечи.

– Перестань, я знаю, что мы умрём здесь! – выкрикнула она, сдерживая всхлипы.

– Мы не будем так...

– Но одно меня радует, – твёрдо перебила его Энн. Она сжала губы, внезапно напомнив Джеку обиженного подростка. – Знаешь что?

– Что же? – сдавленно спросил Джек, который сам едва сдерживал слёзы.

– Я скоро буду с ним, – коротко выдохнув, сказала она.

– Неужели ты... – он осёкся, понимая, что в эту минуту не стоит заводить разговоров о жизни после смерти.

Он ещё раз её обнял. И так они просидели почти двадцать минут, пока из телепорта внезапно не донесся голос.

– Приём, говорит F-000, Центр управления космическими полётами. Приём. Как нас слышно?

Джек осторожно высвободил Энн из объятий и подбежал к телепорту.

– Приём. Говорит старший лейтенант Джек Сэллендж. Слышимость нормальная. Как слышно меня? – ответил Джек, протирая рукавом глаза.

– Слышимость нормальная, – в этот момент в самом цен-

тре телепорта возникло изображение полноватого мужчины с завязанным галстуком. Это был дежурный диспетчер.

– Рад видеть вас, сэр... лейтенант Сэллендж. Доложите обстановку.

Как выяснилось, диспетчера звали Майк Торбинс. Его назначили на аппарат сверхбыстрой передачи сигналов лишь недавно, и поэтому он мало что знал о миссии «АванЛайта» и его экипаже. Джеку пришлось долго вводить его в курс дела и описывать суть произошедшего. Пересказывая случившееся, Джек испытывал ощущение неприятного раздражения оттого, насколько спокойно диспетчер воспринимал информацию о гибели членов экипажа.

– В итоге из выживших я, офицер-исследователь, старший лейтенант Джек Сэллендж и пилот посадочного шаттла, полковник Энн Пэтроу, но она в крайне тяжёлом состоянии. Она ослаблена после обильной потери крови в результате ранения при падении.

– Сведения принял, лейтенант. Доведу до руководства. Оставайтесь на связи. В скором времени ожидайте передачи дополнительных инструкций, – спокойным, строгим голосом ответил диспетчер.

После этих слов трансляция прекратилась так же внезапно, как и началась.

Джек просидел несколько секунд у телепорта, покорно, словно пёс, ожидающий подачи от хозяина. Затем он стукнул по столу и вскочив на ноги, пнул стол, на котором поко-

ился телепорт.

– И это всё? Какого чёртова нуклеотида они не соединят меня с руководством! – вскрикнул он, скрежеща зубами. – Грёбанные бюрократы! Где мистер Норвэлл, мать его за ногу? Мы тут...

– Джек! Тише! – прошипела Энн, явно разгневанная его приступом бешенства.

– Энн, это не в какие рамки! – не унимался Джек.

– Это не повод вскакивать, пинать стол и орать, – уже более твёрдо и звонко произнесла Энн, строго нахмутив брови.

– Извини, но согласишься же, это не в какие воро... это странно! – он попытался оправдаться за своё поведение, – Ладно, подождём...

– Джек, ты офицер, пусть и ненастоящий! – с выдохом выдавила Энн.

– Я ненастоящий?! – он замер, таращась на Энн своими округлившимися глазами.

– Ну... я не это имела в виду... я хотела сказать, что ты ещё не опытный...

– Нет, уж, Энн, договаривай, выкладывай всё, что там надумала!

– Джек! Ты ни разу не участвовал в опасных операциях, у тебя ещё мало опыта, ну что ещё я должна тебе объяснять?!

– И ты считаешь, что это не опасная операция? – негодовал Джек. – Да мы чуть копытца не отбросили с тобой, приземляясь сюда!

– Джек, – она приподнялась и укоризненно посмотрела на него, – инструкции должны быть исполнены в любом случае!

Она легла обратно и умолкла. Как показалось Джеку, видимо, она считала, что разговор окончен. Но такой расклад Джека явно не устраивал.

– И? Энн? Это всё? – он хотел выудить из неё ещё что-то.

– Джек, пока ты не научишься быть дисциплинированным и следовать инструкциям, ты не можешь считать себя офицером, – говорила она строгим, спокойным голосом, глядя в металлический решётчатый потолок.

– Вот так, да, полковник Пэтроу?

– Да! Старший лейтенант Сэллендж, разговор окончен! – и это были последние слова перед тем, как она закрыла глаза.

Джек долго раздумывал над ними. Его явно задело, что Энн не считала его настоящим офицером. «По правде говоря, она вообще-то права, – рассуждал он про себя, – но всё ведь можно исправить. Видимо, мне и правда стоит слушаться старших по званию и следовать инструкциям... Наверное, им там в Центре виднее. Надо подождать следующего сеанса связи».

Он посмотрел на лицо Энн: её ссохшиеся бледные губы были поджаты, а крылья аккуратного носа неестественно широко раскрывались при каждом вдохе, дававшемся ей явно нелегко. Одеяло на её груди медленно поднималось и затем грузно опускалось. Джек пожалел, что в сердцах вступил в перепалку с больной Энн.

Больше в тот вечер никаких сообщений из Центра не приходило. Но всё же Джеку стало как будто легче, ведь появилась, пусть и небольшая, толика надежды, что их спасут – за ними прилетят и заберут.

Он ворочался, то и дело просыпаясь от каждого лёгкого шороха за стеклом павильона. Сперва он встревоженно думал о хищной твари, что пожирает травоядных. Затем сон стал перемежаться мыслями о том, как они с Энн будут выполнять задания миссии, что с ними станет, если Центр не придумает, как их вытащить с планеты.

– Джек, – он вздрогнул, внезапно сквозь полудрёму, услышав её свистящий шёпот.

– Да, – он резко подскочил на своей узкой кушетке.

– Принеси, воды, пожалуйста... горло, – прохрипела она с явным усилением.

– Да, сейчас, – лейтенант сбросил одеяло и, ступая босиком по армированной плитке пола, быстро посеменял в сторону стола, под которым пряталось несколько канистр с водой.

Присев на край панельной кровати Энн, Джек поднёс стакан к её губам.

– Не могу уснуть, – выдавила Энн, чуть приподнявшись на локоть и опустошив стакан с живительной влагой, – не дают покоя мысли об остальных...

– Я понимаю, – он закусил губу и печально нахмурил свои светлые брови.

– Знаешь, что меня печалит? – её губа затряслась...

Он покачал головой, ещё сильнее закусив губу.

– Мы все ведь не так уж много друг о друге знали... А теперь их нет...

– Я бы не хотел... – внутри у него всё напряглось, а камень на животе стал будто ещё твёрже, чем когда-либо прежде.

– Джек, – сердито перебила она его, – ты же сам видел, как взорвался посадочный шаттла капитана и Фрэнка.

– Да, верно, ты права, – он грустно покачал головой. – И Лора с Аланом, вероятно, тоже погибли.

– Этого мы не знаем, но подозреваю, что их уже нет... – она печально ухмыльнулась, – Фрэнк был славным малым. Да... они все были славные.

В голове Джека вспыхнули образы того злосчастного утра, когда «АванЛайт» был на орбите планеты, но в отсеке с посадочными шаттлами произошла разгерметизация. Это был первый в жизни Джека вылет на другую планету. В тот момент, затаив дыхание, он ждал реактивного старта, как вдруг ощутил резкий толчок, и корабль затрясло, мотая во всех плоскостях. Все три шаттла колебались в воздухе, будто на огромных волнах, но всё же удерживались на месте, благодаря силовому полю. От воспоминаний о том, как тогда его едва не стошнило утренним завтраком, снова скрутило живот.

Перед глазами Джека возникла огромная, полукруглая как ракушка, створка отсека, которая медленно опускалась, блокируя вылет шаттлов. Наверное, в ту минуту капитан че-

рез нейрошлем тщетно пытался отдавать мысленные команды кораблю, чтобы тот разгерметизировал отсек и поднял створку, открыв им путь. Но компьютер корабля словно не слышал команд капитана, у него было своё видение ситуации. Компьютер работал на максимальную герметизацию корабля и стабилизацию гравитационных силовых полей.

Капитан Грэхэм вместе с инженером Фрэнком Варполом были вынуждены протаранить створку отсека носовой частью шаттла, чтобы освободить проход. Если бы они отложили высадку, им пришлось бы провести на орбите не меньше недели. После каждой неисправности компьютер «АванЛайта» проводил длительную и тщательную диагностику, а миссия и без того растянулась. Ещё немного – и им пришлось бы задумываться об экономии запасов провизии и воды.

А затем Джек увидел в своих воспоминаниях то, что заставило его вцепиться в край кровати Энн до боли в костяшках пальцев. Точка шаттла капитана, летевшего вперед, становилась всё меньше и меньше, и вдруг она словно отлетела куда-то в сторону и превратилась в яркий жёлто-оранжевый шар, который мгновенно съёжился и угас.

Джек тяжело выдохнул, отпустил край кровати и сцепил пальцы на затылке.

– Чёрт! Как такое вообще могло произойти?! – он говорил будто сам с собой. – Хотя, что я несу. Мы все знали, куда летели...

Энн молчала. Она лишь с досадой посмотрела на его про-

филь и отвернула голову так, что её глаза упёрлись в потолок.

– Они шли на риск сознательно, в отличие от тебя, – внешне заговорила она.

– Да я вроде тоже понимал, что не на отдых летим, – он свёл локти вместе и спустил руки на грудь.

– Вряд ли ты на самом деле понимал... – произнесла она, глядя сквозь решётку потолка, – вот Алан понимал. Он и летал уже не раз. В предыдущей экспедиции они с Николсом и познакомились.

– Я этого не знал, – Джек внимательно посмотрел на заострённый кончик носа лежавшей на подушке Энн, заметив, как в таком положении он задорно чуть вздёрнут вверх.

– Мда...

В сознании Джека сразу всплыло выцветшее пятно посередине на нижней губе и подбородке. Затем память дорисовала образ худощавого мужчины средних лет с чуть впалыми щеками и карими глазами. Про себя Джек назвал Алана мексиканцем. Почему-то ему показалось, что из-за длинных чёрных волос он точно должен был быть мексиканцем.

– Алана воспитывал отчим... мне однажды Ник рассказал об этом. Он всегда хотел сбежать из дома, – она замолчала на несколько секунд, словно раздумывая о чём-то своём, далёком, а затем выдохнула и добавила: – Вот и сбежал.

– Он и не мог знать, к чему приведёт его побег, – Джек чувствовал как к горлу подступала горечь сожаления.

– Не мог, это верно, равно как и все остальные не знали,

чем закончится миссия... Я сожалею, что почти не выслушивала Лору. А ведь могла. Она всё время ощущала себя потерянной. А я будто жила в себе, в своём мирке с Грэхэмом, – она усмехнулась, и маленькая трещинка на её верхней губе покраснела от проступившей крови.

Кофейное лицо Лоры, её строгий сосредоточенный взгляд тут же вспыхнули в памяти Джека. Он отвернулся с мыслью о том, что и сам он не особо стремился узнать других членов экипажа. Хотя некоторые из них и стали для него хорошими друзьями.

– Знаешь, Энн, я думаю, может это и неплохо, что нас было всего шесть... Могло бы пострадать больше.

– Согласна, – она кивнула с видом строгой учительницы, всё так же не отрывая взгляда от потолка.

– Но обязательно что-нибудь придумаем, Энн! Мы выжили! И это уже хорошо, – он старался сам поверить в свои слова. Ему нужно было отойти от тяжёлых воспоминаний.

– Джек, я уже труп. Просто дай помереть спокойно, – едва повернув в голову в его сторону, холодно и сухо отрезала она.

Он заплакал от страха и от ощущения какой-то нелепой, детской беспомощности, а ещё от злости и обиды на ситуацию. Безмолвно, чтоб она не слышала.

Лейтенант отвернулся, чтобы посмотреть на темноту за окном. Тьма напомнила ему космос. Далёкий, холодный и бездонный. Он вспомнил, как всего несколько недель назад,

перед выходом на орбиту, их корабль замедлил движение, и Джек мог бесконечно долго рассматривать мелкие точки скоплений звёзд: крестообразными, спиральными или просто беспорядочно рассыпанными скоплениями они, словно яркие белые кончики невообразимо длинных иголок, раздирали черноту космического вакуума. Чтобы нижняя губа не тряслась, он закусил её до боли. Несколько минут он старался думать только о космосе, отстраняясь от окружающей реальности.

– Энн, расскажи мне про звёзды. Всё, что сама знаешь, – несколько успокоившись, вдруг сказал он.

– Про звёзды? – удивление словно оживило её речь.

– Да, всё про них. Кто знает, что ещё мне нужно узнать, – он пожал плечами и загадочно посмотрел на Энн, моргая сквозь подсохшие слёзы, – да и интересно же, в конце концов.

– Ну ладно. Расскажу. Звёзды... – Энн оживилась и развернувшись, подпёрла ладонью подбородок, – они, понимаешь... прародители всего – и нас с тобой, и даже этой чёртовой планеты... – начала она неспешно свой рассказ, – Ты ведь и сам знаешь, что они разные... когда мы открыли лёгкие квазинейтронные звёзды, непохожие на все остальные, то это перевернуло с ног на голову представления физиков об устройстве вселенной.

– Почему? – Джек старался вникнуть в каждое слово Энн. Он хотел узнать всё, выжать из полковника Энн всю ин-

формацию до последней капли. Ему нельзя было её вот так отпустить, не расспросив. Он впервые за два года захотел по-настоящему понять кого-то.

– Каждая звезда, она как человек, – начала она своё объяснение, то и дело прерываясь, чтобы с хрипом неглубоко вдохнуть, – находится в постоянном конфликте сама с собой. Гравитация звёздной материи заставляет её сжиматься, но есть свет, который вырывается наружу в результате термоядерных реакций внутри самой звезды. Это создаёт противодействие сжатию, и звезда постоянно балансирует между этих двух сил. Так же как и любой человек балансирует между тем, что на него наваливается и тем, что пытается вырваться изнутри, – она засмеялась и закашлялась, а потом, набрав воздуха, продолжила: – Так вот, выяснилось, что всё же есть уникальные звёзды, которые являются нейтронными по структуре, гораздо более тяжёлые, чем солнце. Знаешь, есть такие люди, для которых время будто остановилось – ничего не давит на них, и ничего не рвётся наружу. Если говорить о звёздах, то гравитация там работает по-другому – и звезда становится будто прозрачной. Ничто не выходит наружу, ни свет, ни частицы... Есть и такие люди, которые вроде существуют, а на самом деле они прозрачны, как бы невидимы для всех. Я долго над этим думала...

– Так, а что же не так с этой звездой и с этими особыми людьми? – не унимался Джек.

– Они останавливают время и запускают перестройку ве-

щества, – вдруг почти учительским твёрдым тоном ответила она, пристально посмотрев на Джека.

– И ты их пыталась разглядеть через иллюминатор? – осторожно спросил он.

Джек вспомнил, как Энн подолгу могла смотреть в иллюминатор рядом с капитанским мостиком. Мало кто тогда решался её отвлечь от этого занятия. Потому что она была по-настоящему влюблена в них.

– Нет, конечно... нужны особые приборы, но, думаю, это из-за них мы несколько раз тормозили... они не искажают пространство, не сжимают его, а создают новое пространство и новую материю...

– Но разве такое бывает? – Джек от удивления вскинул вверх брови. Он лишь образно, в самых общих чертах, мог представить всю сложную физику того, о чём говорила Энн, но даже то, что он себе воображал, впечатляло его разум.

– Да бывает, такие звёзды могут перенаправить эволюцию вселенной и всего живого... во всяком случае так думает кое-кто из лаборатории «N-star».

– А ты сама как думаешь? – на секунду Джек подумал – уж не свихнулась ли она.

– Я тоже так считаю, – твёрдо отрезала Энн. – А ещё эти звёзды бывают прямо в центре скоплений.

Договорив последние слова, она сильно и продолжительно закашлялась.

Когда кашель утих, ещё долго рассказывала о созвездии-

ях и туманностях, о попытках с помощью взрывных реакций создавать новые звёзды – к счастью, так и не увенчавшихся успехом. Джек буквально проглатывал каждое слово, ловил каждое междометие в её рассказе. На какое-то мгновение он почувствовал себя астрофизиком, ищущим ответы на вопросы о законах мироздания.

Одновременно с этим Джек напомнил себе маленького ребёнка, который мог бы слушать подобные рассказы часами. Но для самой Энн это была непозволительная роскошь – так много и долго говорить. Но она говорила, стараясь изо всех сил. Как и любой настоящий учёный, даже умирая здесь, на жестокой планете, от тяжёлой болезни, она не могла предать дело всей жизни – поиск истинных ответов на вопросы о том, по каким законам работает мир. Она кое-что собрала во время этой и других экспедиций, и этими знаниями нужно было поделиться с человечеством, а единственным доступным представителем этого самого человечества был старший лейтенант Джек, сидевший тут рядом на краю её постели.

– Я же жила только звёздами долгие годы... Так бы и жила лишь ими, если бы не встретила Ника в одной из экспедиций, – словно оправдываясь, подытожила она.

– Я тебе завидую, Энн, – он погладил её по волосам, ощутив жар под ними. Организм Энн боролся сам с собой всеми известными ему способами.

– Брось ты, – фыркнула она, слегка улыбнувшись.

– Эм... провизию мы уже всю перенесли, завтра принесу

остатки воды, надо забрать уже всё из грузового отсека, – озвучил он свои мысли, думая о том, что Энн нужно больше пить. Она одобрительно кивнула и закашлялась. Полковник привстала и долго пыталась побороть першение, сделав несколько глубоких силовых вдохов и резких выдохов. Наконец, она поднесла руку ко рту и прокашлялась.

От вида всего происходящего внутри Джека всё сжалось. Он наблюдал за каждым её движением. Она сжала ладонь в кулак и метнула на него взгляд хищной, но затравленной пантеры. Сквозь пальцы сочилась красная густая жидкость. Энн поспешила спрятать кулак под одеяло, а голову отвернуть. Она не хотела, чтобы Джек знал, что она кашляла кровью. Сообразив что произошло, Джек напряжённо сглотнул и молча отправился к столу за водой.

Она сделала пару глотков и откинув голову на подушку, закрыла глаза. Казалось, тусклый свет подчёркивал жёлто-зелёные круги под ее слипшимися веками. Остальная часть лица была покрыта бледно-серой тонкой кожей, под которой в некоторых местах проступали голубоватые прожилки. Подождав, пока она полностью заснёт, Джек вернулся в свою постель и постарался погрузиться в сон, чтобы хоть ненадолго сбежать от реальности.

С утра Джек покормил Энн, отдал трапечнику приказ отправиться в шаттл и собрать все оставшиеся контейнеры и канистры с водой. Затем он принялся просматривать сигналы от телепорта, даже не надеясь, что из Центра могло что-то поступить.

К его удивлению на центральной панели павильона появилось сообщение:

F-000: Задание. Кому – Старший Лейтенант Джек Сэллендж. Отправить в сектор G-67a ($56^{\circ} 21 11.2'' S 9^{\circ} 10 28.5'' E$) разведывательного дрона для забора проб воды.

Срок выполнения 22 часа.

– Ого! Вот тебе и первое задание! Мы тут думаем как не сдохнуть, а они присылают задания, – воскликнул Джек, но тут же поспешил прикрыть рот рукой и украдкой посмотрел на пытавшуюся усидеть на краю кровати Энн. Он вспомнил про дисциплину и понял, что лучше уже раз и навсегда покончить с критикой действий Центра.

Она копалась в металлическом ящике с личными вещами и, к его счастью, словно не услышала его.

Судя по координатам, это был ближайший к их павильону ручей. Джек выяснил, что бородавочники ходили туда на водопой. Выйдя из павильона, он озвучил одному из старфи-

шей координаты и цель задания, а сам отправился в шаттл проведать трапечника.

Забравшись внутрь хвостовой части шаттла, Джек не сразу заметил, что многое теперь выглядело совсем по-другому в изменившемся интерьере грузового отсека. Правой стенки, а точнее передней её части с нишами теперь словно и не было, а на её месте находился стенд с подвешенным к мощным крепежам гибридным эйрбайком «Оверплан-500» – сверхскоростным летательным аппаратом последнего поколения.

– Вау! – не сдержал восторга Джек и присвистнул. – Вот это вещь!

Сердце его забило. О таком воздушном вездеходе лейтенант Сэллендж мог только мечтать. Он стоял ошеломлённый, полностью покорённый изяществом форм и линий аппарата. Причудливые изгибы деталей в сочетании с блеском корпуса придавали совершенно внеземной космический вид машине.

Эйрбайк представлял собой конструкцию около четырех метров в длину, похожую на элегантный мотоцикл, но с несколькими отличиями – откиннутые назад рога фиксировали экранирующее стекло, а широкую переднюю часть покрывало множество миниатюрных датчиков. Мощный двигатель, часть системы охлаждения которого была видна снаружи, скрывался снизу за сидением. Опытный водитель мог с лёгкостью оценить состояние двигателя по изменениям в вибрации и особенностях шума аппарата.

В этот момент Джек на секунду подумал о том, что у их злосчастной ситуации есть свои плюсы и маленькие радости. Он знал, что ему никогда бы не позволили в этой миссии управлять таким летательным аппаратом, но сейчас это уже было неважно. Теперь, вероятно, ему не просто удастся полетать на эйрбайке, но и придётся им воспользоваться для поиска возможно уцелевших членов команды. Потрясённый увиденным, Джек не сразу сообразил – зачем трапечник «Кроулер» разобрал стену и обнажил перед ним эйрбайк. Разгадка крылась в нескольких маленьких точках на карте, спроецированной на поднятое лобовое стекло. Это были координаты двух других шаттлов. Трапечнику было автоматически поручено задание найти маяки, и он с ним справился превосходно. По всей видимости, других маяков, кроме как в эйрбаке, нигде больше не предвиделось...

Джек вскарабкался по выступам в конструкции «Оверплана» и очутился за миниатюрным штурвалом. На проекционном экране лобового стекла точек оказалось не две, как предполагал Джек, а значительно больше. Причём удалены друг от друга они были очень неравномерно. Согласно масштабу, между некоторыми точками насчитывалось до нескольких километров. Это был плохой знак. Джек постарался об этом не думать. Он кинул взгляд на укладывающего канистры с водой робота.

– Завтра нам предстоит ещё немного потрудиться, приятель, – ласково обратился он к трапечнику.

«Кроулер трэйп 2188А» незамедлительно отреагировал сине-фиолетовыми волнами, пробежавшими по всему покрытию центрального звена. А потом сделал то, чего Джек вообще не мог даже и вообразить, – подъехал к нему и протянул правый манипулятор. При этом он издал звук, похожий на грустное подбадривание, смешанное с сочувствием. Это было похоже на некий дружеский жест поддержки. Роботы были не чужды некоторые эмоции, заложенные в программы его искусственного интеллекта. Полвека назад, в эпоху бурного развития роботостроительных технологий, интеллектом и человекоподобными эмоциями не снабжали только мусорные вёдра, что уж говорить о столь высокоорганизованном роботе.

На какое-то мгновение Джек, кажется, понял, почему ещё люди могли начать выступать с протестами в отношении повсеместного использования роботов – ну как тут можно не умилиться такой заботе, когда тебе протягивают руку поддержки.

Джек легонько постучал по последнему из пяти сегментов, улыбнулся и протянул трапечнику руку в ответ. Лейтенанту было странно ощущать, как холодный металл клешни сжал его кисть. Он впервые пожимал руку роботу.

Возвращаясь в павильон, ставший за последние несколько дней настоящим домом, Джек на секунду бросил взгляд на уходившие лучи звёздного солнца. В оранжево-красноватом отблеске никелево-зелёный цвет равнинного песка пе-

реливался всеми оттенками радуги. Таких закатов Джек не видел на Земле. На секунду он задержался, чтобы полюбоваться, вдохнул уже к тому времени прохладный воздух и направился ко входу в павильон, расположенный в торце слева от центральной стеклянной панели. Там его услужливо ждал старфиш. Он издал звук, который Джек интерпретировал как упрёк. Створка портала отодвинулась в сторону и старфиш, перебирая своими металлическими конечностями, горделиво засеменял вперёд.

Энн ещё не спала. Джеку показалось, что она как будто выглядела бодрее, чем с утра.

– Что там? Почему так долго? – осведомилась она, прижавшись к кровати.

– Трэйп раскопал «Оверплан», – ответил он, садясь на стул рядом с телепортом.

– А, да, точно, они нас снабдили ими, – Энн села, опершись обеими руками на край кровати, и стала раскачиваться.

– Как ты? Получше? – осторожно спросил Джек, сидя вполоборота к ней.

– Да непонятно. Сколько мне ещё секвенций осталось дышать.

– Энн, – он поджал губы и укоризненно посмотрел на неё. – Ладно... Не будем.

Затем он вскочил с места и схватил с пола у стены притихшего старфиша.

– Надо проверить пробы воды! – прокричал он, подбегая

к столику с анализаторами и микроскопом. – Карантин они прошли спокойно, значит, не токсичны. Это радует.

Через несколько минут Джеку пришлось заключить, что вода не пригодна для питья. Он грустно взглянул на Энн, но тут же постарался приободриться, заметив, что она не настроена печалиться. Он приблизился и, улыбаясь, положил руки ей на плечи.

– А когда ужин, командор? – игриво, но всё тем же слабым сипловатым голосом спросила Энн, глядя прямо в глаза Джеку. Она редко смотрела ему в глаза, и сейчас этот искренний, по-доброму дружественный, почти детский взгляд окончательно растопил сердце космонавта.

– Будет всё, как вы пожелаете, мадам! – игривым и радостным тоном отвечал он. – Вам что на ужин – средиземноморских омаров или тушку круглого бородавочника?

Энн залилась смехом – хриплым, грудным, тяжёлым. Но это был самый настоящий смех самой настоящей земной женщины. В какой-то момент своей естественностью она напомнила ему Глэдис. На минуту это его даже опечалило, но надежда встретиться с ней, пусть и не скоро, вновь вернула ему бодрость духа.

– Мне несите оба блюда и поскорее. Аппетит нагуляла долгим ожиданием! – теперь они оба уже почти хохотали. Она смеялась, но время от времени останавливалась, чтобы отдышаться, а потом Энн вдруг сильно и глубоко закашлялась. Это был тяжёлый кашель, шедший откуда-то изнутри,

который раздирал лёгкие и выдавливал куски её плоти наружу.

Джек аккуратно обнял Энн и усадил на кровать рядом со столиком.

– Всё, вроде прошло. Я сама, Джек, не надо меня поддерживать, – отмахнулась она.

– Ты уверена?

– Да.

Джек был рад, что она начала привставать. Ему не хотелось её тревожить, поэтому он решил делать всё, как она скажет.

– Давай я сегодня не буду есть. Что-то аппетит пропал.

– Как скажешь, но если что, то знай – омары будут ждать тебя горячими, – пытался продолжить шутить Джек.

Она слегка улыбнулась, стараясь его не обидеть, но он понял, что эта улыбка далась ей через силу.

– Я тогда пока пойду сбегать в шаттл – посмотрю на экран «Оверплана» – может, Лора и Алан подадут сигналы.

– Да, сходи, – автоматически выпалила она, – хотя... нет. Давай завтра, уже темнеет. Кто знает, что там можно повстречать ночью.

Джек немного поколебался, но решил не спорить с вновь ослабшей Энн.

– Хорошо, тогда завтра утром.

Пораньше затемнив окна, чтобы укрыться от желтовато-зелёного света чужого солнца, они поспешили отойти ко

снү.

Утро выдалось душным и безветренным. Джек взял с собой шлем-нейротранслятор, чтобы устанавливать связь между мозгом и техническими устройствами. Он предчувствовал, что его ждёт один из множества тягучих и липких дней. Такой день вытянет все соки, а потом выбросит на кровать его тело, хоть и крепкое, но сегодня измотанное и лишённое сил...

Невольно Джек вспомнил, как время на корабле текло по каким-то странным, противоречащим здравому смыслу законам. Иногда дни тянулись долго и тонко и были похожи на длинную липкую нить горного паука. В такие дни все члены команды ощущали упадок сил. Пространство вокруг таинственным образом смыкалось, и всё становилось плоским, а если посмотреть сбоку – тонким, будто они, как люди древности, оказались заперты в мире плоской земли. Джек ненавидел такие дни. Но случались и другие дни, похожие на широкий водопад, бурный, но быстро иссякающий.

События наваливались лавиной, захлёстывали и незаметно проносили до самого вечера. Эти дни были хоть и не всегда легки, но, как правило, быстры и интересны. Просыпаясь каждое утро в своей каюте, Джек всякий раз себе желал окунуться в быстрый и широкий день. Но здесь, на Нерее, дни казались слившимися в единое месиво.

Выйдя наружу, Джек скомандовал трапечнику следовать за ним. Было 5.40 утра по местному времени. Солнце восходило быстро, властно охватывая планету своими лучами, словно торопясь раскалить голубовато-зелёный песок, отливавший в его лучах оттенками оранжево-бурого. Звезда, гревшая Нерей и ещё три планеты вместе с ней, относилась к тому же классу, что и наше Солнце, поэтому Джек не стал придумывать особого названия для небесного светила. Он просто называл его солнцем.

Никаких признаков сигналов от других членов экспедиции на экране не обнаруживалось. Какие бы задачи ни ставил Центр, но Джек должен был сам для себя выяснить, что случилось с Лорой и Аланом. Его сознание отказывалось принимать, что они могли так запросто погибнуть.

Отрываясь от экрана эйрбайка, Джек провёл рукой по подбородку. «Что-то нужно срочно предпринять. Нельзя же так сидеть сложа руки! Думай, думай, башка тебе на что», – крутилось у него в голове.

– Точно! – воскликнул он внезапно, подпрыгнув на пилотском сиденье.

Он принялся искать на экране инструкции по управлению аппаратом. Больше четырёх часов у него ушло, чтобы разобраться, как заставить эйрбайк летать. Вряд ли ему удалось бы разобраться без подсказок нейротранслятора, который помогал понять, как активировать штурвал и панель управления, как выдвинуть защищающий пилота полимер-

ный колпак.

В голове Джека сложился план. Он знал, что эйрбайк доставит его к месту крушения шаттла Алана и Лоры.

Джек отдал команду трапечнику, чтобы тот помог ему снять эйрбайк с креплений и вытащить наружу.

Сперва робко, но затем всё увереннее и спокойнее Джек удерживал штурвал, осторожно описывая небольшие круги вокруг шаттла. Хотя несколько раз он чудом не протаранил передней частью эйрбайка хвост шаттла. Наконец, он почувствовал, что теперь штурвал слушается его достаточно уверенно, и можно переходить к более решительным действиям. Переключив двигатель в более мощный режим, Джек рванул вперед, да так быстро, что пронёсся мимо гряды с их новым домом, едва успев взмыть вверх, чтобы не врезаться в одну из скал.

– Юху! – вскрикнул он от ощущения неземного драйва, переполнявшего его изнутри. Его слегка выцветшие за последнее время русые волосы развевались, обнажая лоб, а ветер охлаждал кожу на щеках. Как только он активировал защитный колпак, воздух мгновенно стал спокойным. Колпак надёжно защищал эйрбайк со всех сторон. Он должен был закрывать аппарат и пилота от ветра, дождя и всевозможных механических воздействий. Вытянутый вдоль и скругленный сверху и снизу, эйрбайк напоминал изящный хот-дог. Но учитывая свободу маневра, которая открывалась перед Джеком, все гонщики мира могли ему только позавидо-

вать.

Развернувшись назад, он ещё раз окинул взором равнину – теперь уже с высоты сорока метров, вновь загляделся на просторы бескрайних песчаных равнин и рванул вниз в сторону их нового дома.

– Я летал, Энн! Это было потрясно! – он вбежал в павильон, сияя как ребенок, научившийся кататься на велосипеде и спевший сообщить об этом маме.

– Ты летал на «Оверплане»? – строго спросила она, держась за край стола.

– Да, да, Энн, я согласен, – начал оправдываться он, – инструкции, я понимаю, но я лишь хотел придумать, как добраться до шаттла Алана и Лоры.

Её зубы были гневно стиснуты, брови строго сдвинуты на переносице. Какое-то время её глаза метались из стороны в сторону – в ней явно боролись противоречивые мысли.

– Чёрт с ними, с этими инструкциями, – внезапно Энн выпрямилась и сделала несколько шагов навстречу Джеку, – пошли. Хочу тоже полетать.

От удивления Джек на секунду забыл, как дышать, но сообразив, что Энн надо помочь, подскочил к столу и взял полковника под руку.

Они уселись в кабину эйрбайка. Джек сидел спереди. Плавно и аккуратно они поднимались почти вертикально вверх. Лейтенант Сэллендж старался вести аппарат настолько мягко, насколько позволял его скудный опыт.

– Давай-ка побыстрее! Поднажми! – внезапно скомандовала Энн.

Руки Джека ещё не могли уверенно держать штурвал, поэтому он проигнорировал её команду.

– Ну! – она толкнула его подбородком в затылок.

– Энн, надо же быть осторожнее! – не ожидавший такого напора с её стороны, ответил чуть испуганный Джек.

– Давай, я сама, – и с этими словами, она стала сбоку пробираться вперёд.

Эйрбайк чуть накренился в сторону, но тут же сработал автопилот.

Энн стянула нейрошлем с головы Джека и приняла управление на себя.

Они резко ринулись вперёд, Энн засмеялась. Джек стал кричать Энн, чтобы она закрыла экраны, но полковник словно не слышала никого и ничего.

Её волосы кололи ему лицо. То и дело ему приходилось пригибаться или наклоняться в сторону, чтобы удержать равновесие, когда ей хотелось спешно сменить траекторию полёта. Они забирались всё выше.

Внизу мелькали тёмные точки скалистых гряд, вилась сверкающая проволока ручьёв. Порывистый воздух неприятно набегал на его лицо и охлаждал десны. Он почувствовал, как начал соскальзывать, и что есть мочи закричал Энн про экраны. Он почти что вывалился из сиденья, когда что-то упругое оттолкнуло его назад. Полковник Пэтроу сжалась

над офицером и активировала экранирующие стёкла.

Джек пожалел, что перед полетом не догадался проверить состояние ремней безопасности.

«Надо разобраться, как включить силовое поле в следующий раз, – пронеслось в голове лейтенанта, – а то так и шлёпнуться вниз можно с высоты».

Когда они возвращались назад, то, к удивлению Джека, Энн не полетела к их дому или к аппарату Алана и Лоры, а опустила эйрбайк рядом с их собственным посадочным шаттлом.

– Мне нужно кое-что тебе показать, – спокойно заявила она и попросила помочь ей спуститься на землю из аппарата. – Пошли в кабину.

Она остановилась в проёме люка, ведущего в кабину, и протянула Джеку пластину своего идентификационного бэйджа.

Это был невероятный архаизм, оставшийся ещё от миссий двадцать первого века. Сейчас, в 2211 году пластиковая идентификационная карта на прочном шнуре смотрелась смешно, но в агентстве до сих пор считали такой способ защиты надёжным.

– Там сбоку под нижней боковой панелью управления есть разъем для бэйджа, вставь-ка, – она указала Джеку куда-то на левую часть плоской трапеции с сенсорными поверхностями.

Джек не сразу заметил круглое углубление в стене с плос-

ким разрезом посередине. Он почти наощупь всунул толстую пластину бэйджа внутрь отверстия.

Слегка промедлив и заскрежетав, часть боковой панели сначала будто немного отодвинулась внутрь, а затем опустилась вниз, обнажив арсенал из нескольких гранатомётов, снаряженных зарядами с жидким азотом, и целой дюжины наручных электрофотонных плазмострелов.

– Твою ж мать! – не выдержал натиска эмоций Джек, – да здесь целый склад оружия! Мы что на войну собрались?

– Почти, – сухо ответила Энн, одарив его раздражённо-серьёзным взглядом.

– Но зачем столько оружия? – недоумевал Джек.

– Мы не знали что там... вернее – тут будет нас ждать.

– Но ведь, вроде... – хотел возразить Джек.

– Да, всё верно, – она хитро улыбнулась, такой улыбки лейтенант на её лице ещё никогда не видел. – По инструкциям не положено. Предполагалось, что это просто миссия по колонизации относительно безопасной планеты.

– Да, – он нахмурил брови и покачал головой.

– Но нельзя же слепо следовать инструкциям, верно, Джек? – она вновь хитро улыбнулась, но в её улыбке читалась безысходность и усталость.

– Так точно полковник Пэтроу!

– Давай, выгребай отсюда несколько пушек и гранатомёт и пошли! – сказала она, облокотившись плечом на узкое ребро дверного проёма.

– Слушаюсь, – кивнул он, будто бы выполнял приказ.

– Завтра тебе понадобится, когда полетишь искать шаттл Алана и Лоры, – добавила она, когда Джек подошел к ней, чтобы она могла опереться на его плечо.

– Я понял, – кивнул Джек, стараясь опустить левое плечо так, чтобы помочь Энн и одновременно удержать оружие.

– Ты же сам знаешь, что из трёх шаттлов с зондами, до планеты добрался лишь один, – сказала она, отстраняясь от него и медленно опуская ногу в отверстие люка. – В нашем случае относительно успешно приземлился тоже только один из шаттлов. Интересное совпадение, не правда ли?

Джек вспомнил, как однажды на общем собрании капитан рассказывал о потере четырёх зондов и дорогостоящего оборудования. В каждом из трёх шаттлов находилось по два зонда. Добравшиеся до поверхности зонды, некоторое время летали над планетой и передавали сведения об атмосферных явлениях и биологической активности. Сначала прекратил поступать сигнал от одного зонда, а затем и от второго, который, согласно программе, автоматически отправился на поиски собрата. Как говорил капитан, в агентстве долго удивлялись, почему в относительно спокойном регионе планеты пропали сразу два зонда, но впоследствии всё списали на неизвестные атмосферные явления.

Погружённый в раздумья над этим странным случаем, Джек складывал оружие в отсек эйрбайка за сиденьем пилота. Спинку сиденья он опустил, чтобы на ней могла разме-

ститься полковник Пэтроу.

Некоторое время они провели, сидя за столом и рассматривая на центральной стеклянной панели карты окрестностей, пока Энн вновь не раскашлялась и не попросила помочь ей улечься.

Копаясь в аптечном контейнере, Джек нашёл множество полезных лекарств, но там среди них не было способного ей помочь. Остатки вечера Энн пролежала молча, лишь единожды кивнув Джеку, когда тот сообщил, что на завтра у него запланирован поисковый полёт на эйрбайке. Чтобы освободить свою совесть, он должен был как можно скорее преодолеть дистанцию в несколько десятков километров и отыскать остатки шаттлов. Медлить с поиском остальных членов экипажа было нельзя.

Совесть мучила Джека не только из-за гибели остальных членов экипажа, но и по причине того, что он не мог считать себя полноценным офицером. Он понимал, что даже если и отыщет остальных аэронавтов, полностью снять груз с души ему вряд ли удастся.

Перед глазами лейтенанта всплыла гостиная в доме директора внутригалактических миссий, мистера Норвелла, отца его друга Сэма.

– Джек, сейчас не самые простые времена, – сказал он, развернувшись в своём кресле вполоборота, – мы отправляем тебя, поскольку у нас есть надежда на твой молодой пылкий ум. Нам нужны любознательные, – мистер Норвэлл

прищурил один глаз, но, как показалось, Джеку, это было скорее похоже на подмигивание.

Сейчас он сидел в павильоне за столом, пытаясь не выдать смущения. Джек пожалел, что не покраснел тогда. Он ведь прекрасно понимал, что на его месте мог быть кто-то явно опытнее и старше. Экспедиция на Нерей была далеко не первой. У агентства сформировался даже целый пул аэронавтов-исследователей.

В тот вечер в гостиной мистера Норвэлла он принял предложение отправиться в экспедицию как само собой разумеющееся.

«Как же это было невыносимо безмозгло», – подумал он про себя, закусив костяшку большого пальца сжатой в кулак ладони.

Тревожный взгляд матери, нахмурившиеся брови отца. Всё это он тогда проигнорировал, отверг, смёл ураганным, порывистым ветром.

Он закусил кулак ещё сильнее, чтобы как-то справиться с тем напряжением, которое навалилось на него при мысли о мокрых глазах матери, почти безмолвно собиравшей его в путешествие.

Джеку сделалось невыносимо от осознания, что его отправили в экспедицию из-за дружбы с сыном высокопоставленного чиновника агентства.

Энн уже спала. Тяжёлое сопение выдавало её прерывистый сон. Джек поправил одеяло полковника и поспешил в

свою кровать. Сон, как ему казалось, уведёт его от тяжёлых дум.

В ту ночь ему снились куцые облака, похожие на облака Неря, какие-то скалы, ему снилась Энн, с которой он танцевал в их новом доме, а потом он увидел, будто сквозь панорамные окна, как Алан и Лора, улыбаясь, подходят к павильону.

Джек проснулся чуть позднее обычного, но сразу же после пробуждения сердце его колотилось изо всех сил. Страх увидеть то, чего больше всего он боялся, за последние дни притупился, но древние физиологические механизмы было невозможно обмануть. Своими биоритмами, словно молекулярными часами, они отсчитывали время, оставшееся до встречи с тем, чего Джек так не хотел видеть.

Этот день наступил. Осознание того, что сегодня он неминуемо узнает правду, заставило его смириться со всеми, даже самыми печальными предчувствиями.

Подождав, пока Энн закончит с едой, он убрал за ней, помог ей вновь улечься в постель, а затем вышел из павильона.

В этот день облака заполонили всё небо, а влажность воздуха становилась удушающей.

Джек огляделся по сторонам. Песчаники равнины казались скорее сиренево-синими, а не зелёными. Валуны почти не отбрасывали теней в рассеянном свете звезды. Опустив голову вниз, словно погружаясь в поток мыслей, лейтенант направился к зависшему в стороне от павильона эйрбайку.

Взобравшись на место пилота, Джек активировал системы ручного управления и, сверяясь с картой на радаре, отправился к первому скоплению точек.

До первого места назначения, судя по масштабу карты,

высветившейся на радаре, было около тридцати пяти километров. Джек ещё не до конца освоился с эйрбайком, поэтому приходилось лететь на невысокой скорости – около двухсот километров в час. Для разогрева он описал в воздухе небольшой круг в несколько километров, а затем резко рванул вперёд. Внизу проносились скалистые нагорья, небольшие холмы, местами были скопления кустарника с толстыми грушевидными стеблями, валуны, похожие с высоты на камушки. Посреди пустынной глади сверкнула тонкая серебристая нить прозрачного ручья. «Видимо, к таким ручьям и ходят травоядные, чтобы напиться» – промелькнуло мимоходом в голове у Джека. Ландшафт не выглядел совсем уж безжизненным и блёклым, каким он казался ему в первые дни. Кое-где можно было даже разглядеть небольшие стада травоядных, мирно обгладывающих остатки сухих колючек суккулентов.

Климат на Нерее был странным. Жидкой воды почти нигде не обнаруживалось, кроме как в тонких руслах рек и двух морях, но при этом влажность в нижних слоях атмосферы бывала аномально высокой. В жаркую погоду она не приносила облегчения, а напротив – лишь удушала, заставляя всё тело Джека покрываться липким слоем пота. Не спасал даже термокостюм, специально разработанный для таких условий.

А вот обитатели Нерее неплохо научились к ним приспосабливаться. Туловища и конечности крупных существ на-

сыщались водой, словно губки, на случай долгой засухи, а их кожа была толстой и местами пористой, чтобы поддерживать внутреннюю температуру, избегая больших потерь жидкости. На телах некоторых существ можно было встретить светящиеся люминесцентные пятна самых разных цветов, от сине-зелёного до оранжево-красного, но чаще всего встречались оттенки сиреневого или сине-зелёного.

Вот и сейчас, проносясь над равнинами и холмами, Джек видел небольшую стаю существ, отдаленно похожих на небольших носорогов, с темной шкурой, на которой полосками выстроились пятна сиреневого цвета. С высоты пятидесяти метров они казались ему какими-то игрушечными и неестественными, но это были самые настоящие живые существа, эволюционировавшие на планете миллионы, а возможно и целые миллиарды лет! Особи то рассыпались в стороны, то вновь сбивались в стаю, издавая странные вскрики, совсем не похожие на голоса земных животных. Вот группа «носорогов» упёрлась в очередную стену из скалистых гряд и резко свернула вправо, чтобы обогнуть преграду через несколько километров.

К счастью, Джеку не нужно было никуда сворачивать. Его путь лежал прямо над скалистой стеной. Едва перевалив за неё и пролетев ещё несколько сотен метров, он увидел небольшой столб дыма, цепкие тонкие тяжи которого ухватывались за поднимающийся вверх тёплый воздух, местами чуть закручиваясь в сторону.

Его сердце, и без того неистово колотившееся, забилося ещё быстрее. Все самые страшные мысли пронеслись в его голове в то мгновение. Он подумал – неужели, когда они падали сквозь атмосферу планеты, показавшийся ему сбоку яркий всполох был самым настоящим взрывом, а не выдуманной утомлённого сознания?

Лейтенант Сэллендж снизил скорость, постепенно приближаясь к поверхности. На земле были разбросаны остатки шаттла, который переломился пополам так, что его хвостовая часть въехала в кабину, сплющив её почти до самого носа, от которого остался лишь небольшой кусок.

Он убрал защитный полимерный колпак, заглушил двигатель и резко прыгнул на землю. Губы его затряслись, ноги превратились в два ватных непослушных валика. На мгновение он замер, не смея пошевелиться. Камень в животе затвердел, лишив возможности полноценно вздохнуть.

Шатаясь из стороны в сторону, лейтенант Сэллендж подошёл ближе к ещё дымящейся хвостовой части. Все составные части корабля обуглились, несмотря на матовое защитное покрытие. Пахло гарью и наэлектризованным воздухом. Корпус аппарата на ощупь оказался ещё тёплым. Джек сумел разглядеть небольшую щель между тем местом, где хвостовая часть въехала в кабину, и началом центрального отсека. Внутри всё было сплющено и изуродовано, словно шаттл протащило сквозь черную дыру. Вверху перекрученной кабины сбоку торчал кусок пилотной панели, искорёженной и

согнутой в нескольких местах. Чуть ниже свисали остатки обуглившейся кости. Было очевидно, что выжить после такой аварии ни Алану, ни Лоре не удалось.

Прикрыв лицо ладонью, чтобы его не вывернуло от всего увиденного, Джек ещё раз огляделся как будто, в надежде, что сейчас это всё растворится, и к нему выйдут живые и здоровые Лора и Алан, но затем, поняв, что этого уже никогда не произойдёт, выглянул наружу, просунув голову в щель.

«Но почему они не катапультировались? – вертелось у него в голове. – Либо не успевали, либо надеялись, что долетят».

Он внимательно огляделся по сторонам, пытаясь рассмотреть другие останки шаттла. В нескольких десятках метров были разбросаны куски арматуры, вывороченной из хвостового отдела. Они были изуродованы: погнуты, переломаны, смяты. Чуть дальше впереди валялся люк грузового отсека, который оторвало при падении.

Джек дошёл до люка, пнул его, ещё раз посмотрел на шаттл и сел на землю. Он уперся локтями в колени, опустил лоб на сцепленные руки и просидел так минут двадцать, а может и больше. Лишь гул ветра жадно врезался в его уши, напоминая ему о том, что он находится всё ещё здесь, в реальном мире, в этой жестокой вселенной.

Шагая прочь от места катастрофы, он пообещал себе вернуться сюда снова и извлечь из-под обломков тела астронавтов, чтобы затем похоронить достойно и по-человечески, не

оставляя их жестоким тварям, населяющим эту бездушную планету. С этой горькой мыслью Джек сел в кресло эйрбайка и отправился дальше – к следующему скоплению точек на радаре. Практически не обращая внимания ни на особенности ландшафта, ни на мельтешащую внизу живность, Джек долетел до места, где упали обломки капитанского шаттла. Воспринимать увиденное было чуть проще. Его мозг уже успел смириться с мыслью о том, что их отважный капитан и добродушный старина Фрэнк ушли из жизни ещё в день той проклятой высадки на планету. Сейчас Джеку казалось, что прошла не неделя, а несколько лет. Липкие дни растянули время в его сознании.

Джек вспомнил немножко неуклюжего, но всегда приветливого Фрэнка Варпола, он сам сейчас и правда стоял рядом. Его редкие брови вскинулись вверх, а пухлые губы расплылись в улыбку – аккуратно, чтобы не показывать зубы. Джеку казалось, что Фрэнк стеснялся своих жёлтых зубов, равно как и своей небольшой полноты. Он был отличным инженером, знал назубок гравитационные установки, изучил на тренажёрах множество симуляций полётов, но он никогда не был спортсменом и не считал себя выносливым. Фрэнк признавался, что предложение участвовать в качестве инженера в экспедиции на недавно открытую обитаемую планету – огромная удача. Но на фоне остальных стройных и подтянутых членов экипажа этот невысокий, слегка похожий на бочонок, человек смотрелся несколько нелепо.

Сорокалетний Фрэнк явно чувствовал себя лишним на борту корабля, в чем-то виноватым и недостойным находиться среди других аэронавтов. Он толком не осознавал, в чём именно его вина – то ли он занял место кого-то, кто был лучше его, то ли он просто сильно выделялся на фоне остальных. По этой причине Фрэнк всегда будто старался угодить всем членам экипажа, в особенности – капитану. Ему казалось, так он может загладить свою вину. И когда капитан что-то спрашивал у Фрэнка, то тот молниеносно демонстрировал всё своё дружелюбие и готовность выполнить любое поручение. Однажды Джек случайно подслушал разговор между Аланом и Фрэнком, из которого узнал, что посадка на поверхность планеты будет не из лёгких, потому что атмосфера планеты гораздо плотнее в верхних слоях, чем земная. Теперь лейтенант Сэллендж, стоя на разогретом песке, имел горестную возможность убедиться в правоте их рассуждений.

На месте падения не было крупных обломков. Лишь осколки каркаса и носовая часть корпуса, безвозвратно утратившие свой былой вид, торчали из песчаных холмов. Обломки были разбросаны так далеко, что охватить их одним взглядом не представлялось возможным. Джек мысленно укорил себя за то, что не взял с собой портативный бинокль, но и без него было ясно, что осколки разлетелись очень далеко: какие-то из них могли упасть за десятки километров отсюда.

Джек сел в эйрбайк и постарался зигзагами облететь все

участки местности, где были хоть какие-то намёки на целевшие части шаттла. Чтобы лучше разглядеть место аварии, Джек не стал активировать защитный купол. От некогда мощного летательного аппарата остались лишь ничтожные осколки. Офицер сам не заметил, как к горлу подступил комок, как по щекам скатываются струйки слез, которые ветер сдувает назад. Возможно, было бы даже лучше, если бы он сам оказался на их месте. Почему они? В какой-то момент Джек поймал себя на мысли, что ему вдруг стало страшно за свою собственную шкуру. Как шакал, а не человек, он трусливо испугался за своё будущее. Ведь даже если бы они с Энн сумели добраться до «АванЛайта», как бы они отправились назад? Сумели бы они вдвоём вернуться обратно на Землю, не имея знаний инженера Фрэнка Варпола и опыта капитана Грэхэма? Что теперь с ними будет? Кто их вызволит? Осталась одна надежда – ждать помощи с Земли.

«Но даже если помощь и поспешит к нам, то сколько придется дожидаться её здесь? Год? Два? Три? А может, всю жизнь?» – тревожные мысли не покидали Джека, пока он летел к их новому дому.

Джек знал, что согласно плану экспедиции, еды должно было хватить на три с половиной месяца. Далее члены команды обязаны сесть в модульные шаттлы и вернуться к кораблю. Это означало, что у Джека и Энн есть как минимум эти три с половиной месяца, чтобы постараться что-нибудь придумать, пока не придут спасательные корабли. Сам же лейтенант понимал, что этот срок оставляет им немного шансов. Они добирались до планеты более двух лет. Вряд ли за это время успели изобрести новые корабли, способные лететь в разы быстрее.

«Так, Центр уже выходил на связь... Чёрт! Да что они там так медлят, – Джек приводил в порядок спутанные мысли, пытаясь разложить всё по полочкам. – Ладно, наверное, решают, что с нами делать. Идём дальше. У нас есть телепорт. По нему могут передать нам еду и необходимое снаряжение для выживания. Чёрт! Чёрт! Это же вроде запрещено, – его рот искривился от злой досады, – надеюсь, они что-нибудь придумают! Может, они пришлют оборудование для починки шаттла? Хотя это вряд ли... да и я сам не смогу починить. Трапечник, наверное, тоже не сможет».

Его взгляд метнулся в сторону медленно идущего каравана бородавочников. «Дом уже близко» – пронеслось в голове, но ему не сделалось радостно от этой мысли, сердце лей-

тенанта сжимала тоска, тянущая его к земле.

– Еды чуть больше, чем на три месяца, – заявил Джек, присаживаясь на своей кровати напротив Энн. Он болтал ногой, поджимая искривившиеся губы.

– Как и запланировано. Если бы не пострадали другие шаттлы, то еды было бы больше, – прохрипела она, лёжа на боку. Энн поправила свалившиеся на лоб слипшиеся от пота волосы и добавила: – Нет. Какого чёрта я так думаю?!

– Энн, ты всё правильно говоришь, – попытался утешить её Джек, подавшись вперёд.

– Помоги мне сесть... пожалуйста, – на её лице застыли ужас осознания потери, боль физических страданий и жалость к себе самой. Именно за это она себя и ненавидела. – Я не хочу выглядеть жалкой, Джек, – выпалила она, – не хочу быть раскисшей.

– Да, всё в порядке, Энн, – произнёс он, помогая ей подняться и сесть.

– Не ври. Ничего не в порядке, – она отдёргнула плечо от его руки. – Спасибо.

Джек не знал, что делать в эту минуту. В картотеке его мозга не было никаких алгоритмов на случай подобных ситуаций.

– Прости, – всё, что он смог сказать.

– Ладно, – несколько собравшись с духом, твёрдо ответила Энн, – прорвёмся.

– Они не выходили на связь уже несколько дней, – решил

сменить тему Джек, скрещивая руки между коленок, – что делать, если они не ответят?

– По инструкции, если Центр не выходит на связь более пяти дней, то через телепорт необходимо по закрытому протоколу подключиться к компьютеру «АванЛайта» и следовать его указаниям, – отрапортовала она, сощутив глаза и глядя перед собой.

– Чёрт, только не эта долбаная пачка процессоров, – выругался Джек, выказывая явное недовольство положением дел.

Компьютер он считал слишком своенравным и даже надменным. Он не мог смириться с тем, что кусок металла и нанокompозитных чипов указывает ему, что и как он должен делать. Джек убедил себя, что постарается оттянуть этот момент как можно дольше, даже если Центр больше уже никогда не выйдет с ними на связь, в чём он, конечно же, сомневался.

– Джек, помни про инструкции! – мягко, но настойчиво напомнила Энн, отвернув голову к окну.

– Да, всё верно! Ты права, инструкции. Они нам в помощь... – он украдкой бросил осторожный взгляд на Энн, – главное, чтоб не вредили.

– Джек, угомонись, – он видел как она улыбнулась.

Про себя он тут же подумал, что всё-таки был прав на счёт неё: даже со всеми инструкциями в ней было больше человеческого, а не офицерского.

Джек уже не испытывал удивления по поводу того, что ни-

кто не вышел с ними на связь и к вечеру этого дня, когда Энн стало совсем плохо. Он решил плюнуть на телепорт и провести время с ней. Джек просил её разговаривать с ним, но столько, сколько она может. Он даже уже не уговаривал её есть, только бы она с ним говорила, пила воду и отчётливо дышала.

– Джек, возьми там из контейнера с моим номером футляр с инфо-полосками, – Джек догадался, что речь шла о плёнках, на которые записывались зебибайты информации.

– Что там? – спросил он, вставая со стула, рядом с её кроватью.

– Там про звёзды... ещё курс по терраморфированию планет, много книг и инсталляций, я взяла, зная, что на корабле бывает скучно... быть может, тебе пригодится...

– Нет, Энн, что ты такое говоришь? – он почувствовал тяжесть в сердце. Казалось оно переполнилось кровью настолько, что она вот-вот польется наружу.

Словно деревянные костыли-протезы он подтаскивал одну ногу за другой, шагая к стенке с контейнерами.

– Там ещё кое-что есть... – она привстала, чтобы видеть что он делает, – На одной из плёнок, эм... в общем, мои записи и личные наблюдения, которые я вела на корабле.

Она перекатилась на бок и её вырвало. Содержимое её желудка было кроваво-чёрным.

Однажды в клинике отца Джек видел подобное у одного из пациентов. Тогда отец рассказал ему, что такое случается

во время внутреннего желудочно-кишечного кровотечения.

Джек положил плёнки назад и достал абсорбирующий гель, чтобы с его помощью очистить пол. Плёнка геля сама растекалась по пятну, вытягивая частицы загрязнения.

Джек знал, что теперь Энн нельзя давать ни пить, не есть. Он оценил, что примерный объём крови, который она могла потерять, составил не более полулитра. Про себя он надеялся, что повреждения в её желудке затянутся. «Чёрт, большая часть медицинского оборудования осталась в шаттле Лоры и Фрэнка», – выругался про себя Джек.

Он помог ей убрать со рта остатки кроваво-чёрных сгустков и уложил на спину.

Препаратов, способных облегчить её состояние в аптечке он не обнаружил.

Ночью Джек просыпался несколько раз, слыша её тяжёлые хрипы и иногда кашель. Он понимал, что ей стало совсем трудно дышать, и ненавидел себя в те минуты за то, что совершенно ничего не мог поделать. У него был лишь один инструмент для помощи: он сам и его забота.

На следующее утро лейтенант Сэллендж проснулся за-светло, едва самые первые лучи попытались проторить до-рогу по верхушкам скалистых нагорий. Повернув голову к кровати Энн, стоявшей неподалёку от него, он стал вслуши-ваться в то, как она дышит. На секунду ему показалось, что она совсем не издаёт никаких звуков. Он вскочил и подбе-жал к ней. К его радости она дышала, хоть и тихо, почти еле слышно, так словно её здесь и не было. Джек побыл немно-го времени рядом с ней, а потом встал и печально побрёл к столу с прочно обосновавшимся на своём месте телепортом.

Офицер ещё раз попробовал установить связь с Центром, но никаких обратных сигналов не поступило.

Через два часа Энн проснулась. Пищу Джек ещё не ре-шался ей давать.

– Вытащи меня наружу. Я хоть свежим воздухом поды-шу, – сказала она каким-то нарочито небрежным тоном.

Джек не смел ей отказывать в просьбах. Укутав в одеяло, он взял её совсем потерявшее вес тело на руки и вынес на улицу. Лёгкий предутренний ветерок обдавал их лица при-ятной свежей прохладой. Джек немного поёжился. Было ещё совсем темно, но силуэты камней и холмов уже проглядыва-лись. Лейтенант Сэллендж дождался, пока появятся несколь-ко лучей, и, держа Энн Пэтроу на руках, направился туда,

где распластался «Кроулер трэйп».

Он сел на трапечника, держа Энн на коленях, так, чтобы она могла видеть лучи восходящего инопланетного солнца.

Она смотрела на эти лучи с детским восхищением. Для Джека это была просто чужая звезда. Но Энн понимала звёзды так глубоко, что могла разглядеть в них нечто общее, роднящее их с Солнцем. И это не могло не тронуть ее сердце, жаждающее в эту минуту чего-то тёплого и родного. Её глаза блестели, отражая красно-оранжевые полуразмытые блики освещённого звездой инопланетного ландшафта. Теплота утра нарастала, но всё же по ногам веяло ночной прохладой. Джек постарался закутать Энн ещё лучше.

– Тебе нравится, Джек? – еле слышно спросила она.

– Что именно?

– Свет местной звезды...

– Да... Думаю, да... – он закивал.

– Красивая... свежо, – она захрипела и закашлялась. Джек принялся поглаживать её по плечу.

– Очень свежо, – поддержал он её.

– Нет, уже холоднее... холодн... – она так и не успела произнести последнее слово. Её глаза сомкнулись, рот чуть приоткрылся, а сердце навсегда остановилось там, в её теле, бережно укутанном в тёплое уютное одеяло. Джек не сразу сообразил, что произошло, когда она замолчала. Сперва он посчитал, что она уснула, но потом он понял, что больше она уже никогда не проснётся.

– Энн, только не умирай! Нет, Энн, держись. Ты не можешь так просто умереть, – он запрокинул голову, и слёзы закатились ему в носовой проход, заставив поперхнуться. – Нет, Энн. Ты будешь жить! Слышишь?

И хотя Джек понимал, что Энн уже не вернуть к жизни ничем, он не желал смириться с тем, что теперь он остался совершенно один на абсолютно безлюдной – не считая его самого – чужой, неизвестной ему планете. Джек так и сидел на трапечнике, прижимая остывающее тело Энн к своим мокрым щекам. Он целовал её запутавшиеся тёмные волосы. Время от времени он закрывал глаза и раскачивался сидя на абсолютно неподвижном роботе, совершенно не замечая, как солнце стало печь ему макушку, как мимо пронеслась небольшая стайка травоядных каменных бородавочников. Один из них даже остановился при виде Джека. Слегка отпрянул в сторону, затем осторожно подошёл и лизнул длинным, тугим, спицеобразным языком рукав куртки лейтенанта Сэлленджа. Это был тот самый бородавочник, которого несколько дней назад Джек сперва подстрелил, а потом вылечил. Джек каким-то краем замутнённого сознания узнал его по оставшимся шрамам. Регенератор не смог залечить инопланетную ткань также хорошо, как человеческую, поэтому отметины, покрывшиеся шершавой коркой, будут долго напоминать животному о встрече с человеком. Бородавочник немного постоял рядом, фыркнул своим подобием ноздрей и рванул за остальными сородичами.

Убегающий вдаль бородавочник и представить себе не мог, сколь острую боль потери сейчас испытывал старший лейтенант Джек Сэллендж. Горькая печаль, смешанная с обидой заполонила всё сознание офицера. Осознание произошедшего ещё не нахлынуло давящим страхом, лишь зияла пустота от потери. И эта черная пустота, таящаяся под закрытыми веками, не давала лейтенанту выпустить из рук тело Энн Пэтроу. Так он просидел, потеряв счет времени. Он то прижимал её ближе к себе, то пытался поставить на ноги и оживить. Временами он вскрикивал и начинал раскачиваться сильнее.

Наконец, почувствовав, что его ноги совсем затекли, Джек, вдруг как будто опомнился. Он открыл глаза, сообразив, что уже прошло не менее трёх часов. Джек попытался привстать. Всё это время трапечник покорно ждал команды. Уловив движение, он принялся издавать приветственные звуковые сигналы, но оперативно сообразив композитными искусственными мозгами, что офицер не настроен на общение, тут же смолк.

С трудом поднявшись на затёкшие до мурашек ноги, Джек понёс Энн в дом. Там он уложил её на кровать и стал собирать личные вещи в контейнер теперь уже покойной полковника Пэтроу.

Разбирая постель Энн, Джек увидел маленькую серебристую тубу, спрятанную под подушкой. Он поднял её, повертел в трясущихся руках, на секунду вспомнив запах клиники

своего отца. Он видел такие тубы у пациентов с сильными болями. Это было хоть и старое, но проверенное средство, убирающее любую боль на сутки. «И тут она оставалась мужественной до последних дней, и тут она не доставляла хлопот, ему, лейтенанту Сэлленджу. Она просто запивала боль капсулами, да ещё умудрялась делать это так, чтобы он не видел», – размышлял Джек, крутя в правой руке тубу.

Согласно протоколу I-844 тело Энн предполагалось поместить в консервирующий мембранный материал. Хоронить или сжигать тело умершего на чужой планете разрешалось только в случае биологической угрозы. Это была самая крайняя мера.

Пытаясь преодолеть волнение, Джек отыскал футляр с мембраной. Трясущимися руками он поместил на панельную пустую кровать раздетое тело Энн и обтянул его сиреневой прозрачной мембраной. От этого ее кожа приобрела противоестественный сине-фиолетовый оттенок. Затем он накрыл его простынёй и, сев за стол, обхватил руками затылок. Ощущение покойника в доме невольно вызвало внутреннюю дрожь во всём теле.

«Что мне прикажут с ней сделать? Заберут ли когда-нибудь её тело отсюда? Или дождутся пока и я тут окочуюсь?» – мысли прорезали сознание лейтенанта, как острые бритвенные лезвия. В голове пронеслась ещё одна мерзкая мыслишка, но он постарался отогнать её. Ему не хотелось думать, что теперь у него еды больше, чем на три месяца.

12

Чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, Джек решил выйти наружу. Лучи солнца, проникая сквозь мутную пелену зеленовато-жёлтого неба, рассеивались по верхушкам скалистых гряд. Снаружи стояли полное безветрие и мертвенная тишина, будто специально под стать трагичности момента. Шаркая ногами, Джек шёл в сторону ручья, всё глубже погружаясь в свои мысли. Ему нужно было увести себя в другое место, в другое время, в другой мир, вернуться к чему-то светлому и приятному.

На какой-то момент он мысленно перенесся на Землю, в Академию, вспомнив, как допоздна возился с учебными прототипами исследовательских устройств, ожидая, пока у Глэдис закончатся ее занятия по пилотированию. Затем они гуляли в парке вокруг Академии, молодые, счастливые и беспечные. Однажды он вдруг подхватил её и так высоко поднял, что она вскрикнула от неожиданности и засмеялась. Дежурные дроны-смотрители тотчас же подлетели к ним, пытаясь выхватить Глэдис из сильных рук Джека. Он опустил Глэдис на землю, а затем подпрыгнул и сильно пнул одного из дронов. Потеряв координацию, робот сперва отлетел в сторону, но, восстановив равновесие, двинулся к ним. Второй дрон последовал его примеру. Джек скомандовал Глэдис: «Бежим!», и они долго убегали от тех двух «четырёхла-

пых уродцев».

Они прятались между высоких камней и густых, сплетённых между собой ветвей кустарника парка. Когда они решили, что уже оторвались, Джек ещё раз схватил Глэдис и поднял, но она не вскрикнула, а серьёзно посмотрела на него своими серо-зелёными глазами. Он поймал её взгляд, медленно опустил на землю и аккуратно поцеловал. Это был поцелуй, который он помнил очень долго. Целых два следующих месяца Джек провёл в исправительном батальоне Академии без поцелуев, свиданий и какой-либо романтики.

Руководство Академии не могло так запросто простить Джеку подобный проступок. Пнуть рабочего дрона-смотрителя, который приравнивался к стражу порядка, было неслыханной наглостью, своего рода вызовом всему кодексу порядка и дисциплины, и как сказал декан на публичном совете «выходкой невиданной дерзости и бестактной глупости». После того случая курсанты Академии стали называть дронов не только «четырёхлапыми уродцами», но ещё и «ябедами» и «стукачами».

Джек заметил, что прошел по дуге и ноги сами вынесли его назад к павильону, пока он не упёрся в зависший в воздухе эйрбайк.

– Ждёшь, дружище? – спросил он, подтягивая к себе нижнюю ступень.

Битыми стёклами врезались в его мозг воспоминания об их совместном с Энн полёте на аппарате. Джек стиснул зубы

и, сжав кисть в кулак, ударил себя по ноге. «Я должен быть сильным, – сказал он себе. – Энн явно бы не оценила такой кисель». В это же мгновение он вспомнил о её теле, лежащем в павильоне и, поёжившись, передёрнул плечами.

Лейтенант Сэллендж залез в эйрбайк и помчался параллельно ручью, служившему водопоем для бородавочников. По инструкции он не должен был пользоваться летательным аппаратом без надобности, но сейчас ему нужно было сбегать куда-то от ужаса, раздирающего его сознание.

Внизу мелькали валуны, скалистые нагорья, ленты ручьев. Джек летал несколько часов, пока не почувствовал, как загудела спина. Он спустился на плоское нагорье и, посмотрев на запад, заметил оранжево-красные предзакатные всполохи. Нужно было возвращаться домой.

По дороге назад ему в голову взбрела разумная мысль проверить на всякий случай – а не повреждено ли что-то на крыше. Возможно, это могло стать причиной плохого сигнала передачи данных через телепорт. Начинало темнеть, когда он подлетал к павильону. Забравшись с задней стороны скал наверх, Джек внимательно осмотрел крышу строения, поправил одну из солнечных батарей для зарядки аккумуляторов и стал спокойно слезать вниз. Солнце быстро садилось, нещадно лишая воздух дневной прозрачности. Джек остушился, не заметив край широкой расщелины, словно расщепившей скалы надвое. Он плюхнулся с высоты около трех метров, проскользив спиной по каменной стене. Электрофотонный плазмострел вылетел из крепления на рукаве. Джек принялся цеплять его обратно, но с трудом мог в потёмках разглядеть, что и куда крепить. Провозившись несколько минут, он снял крепёж с руки, удлинил ремень и перекинул оружие через плечо так, что теперь оно торчало из-за его спины. Он пожалел, что их потоку офицеров-исследователей вообще мало что показывали из оружия. В основном базовые принципы работы объясняли. Но стрелять и попадать в мишень он, к собственному удивлению, научился быстро. Джек вспомнил разговор с отцом, когда тот пошутил, что дед неплохо стрелял ещё со времён гражданской войны, начав-

шейся после первых катаклизмов.

Лейтенант стал медленно пробираться вдоль расщелины, чтобы выйти наружу со стороны павильона. Ему нужно было пройти около семи метров. Расщелина сужалась, и идти становилось всё сложнее. Продравшись почти до самого выхода, Джек вдруг услышал шорох, где-то там справа, по ту сторону расщелины. Он замер и стал вслушиваться. Шорох зазвучал ещё отчётливее. Спустя три секунды склизкое чёрное щупальце появилось в тусклом просвете выхода – то самое, что он уже однажды видел на холме.

Его сердце бешено застучало. «О боже, только не это, – пронеслось у него в голове, – только не сейчас». Щупальце задержалось на несколько секунд в воздухе, словно что-то высматривая, затем спустя всего мгновение, показалась и сама тварь. В высоту не меньше трех с половиной метров, чёрная с ног до головы, она кралась на двух когтистых лапах. Из-за спины у неё торчали два крыла, превратившиеся в деформированные конечности-щупальца, что-то вроде заостренных клювовидных палок. Морда оканчивалась длинным выростом с острым как кинжал клювом на конце. У основания рта свисали какие-то склизкие наросты, под которыми скрывались острые игольчатые клыки. Два жёлтых глаза – почти что правильные треугольники – сверкнули в проёме расщелины. У Джека пересохло во рту; он задержал дыхание, чтобы не выдать себя. На какое-то мгновение тварь остановилась у расщелины, словно высматривая в ней Дже-

ка. В этот момент его мозг думал только об одном – сможет ли такое огромное существо протиснуться к нему сюда. Постояв ещё несколько секунд, тварь издала неясный звук, фыркнула и направилась дальше, куда-то влево.

Джек выдохнул. Некоторое время он раздумывал, как поступить. Прodelать ли ему обратно весь этот длинный путь назад, либо пройти совсем немного вперёд и выйти сбоку между скал почти у самого павильона. Неясно почему, но этот путь отчего-то казался более привлекательным, видимо, потому что сулил быструю возможность попасть в безопасное укрытие.

Стараясь ступать по возможности мягко и бесшумно, Джек принялся медленно пробираться по узкому лазу между скал. Внезапно он остановился, словно пытаясь уловить шорох, который могла бы издавать тварь, но вокруг было тихо. Когда до выхода из скал оставалось меньше метра, Джек поднял голову, чтобы увидеть ещё чуть светлое серо-зелёное небо. Добравшись до края расщелины, он решил выждать несколько минут, а потом сломя голову рвануть в сторону двери в левой стеклянной стене его инопланетного дома.

Джек осторожно, двигаясь боком, выглянул из расщелины. Он поворачивал голову, как настороженная сова, стараясь выцепить малейшие намёки на опасность. Никаких признаков твари не обнаруживалось. Хотя небо ещё и оставалось светлым кое-где у горизонта, следов твари на песке разглядеть не удавалось. Джек сделал осторожный шаг из расщели-

ны, затем ещё один – чуть более уверенный. Он развернулся в сторону павильона. «До дома пять метров, ещё шесть до двери, а там и внутри окажусь», – просчитывал про себя Джек.

Он занёс ногу, чтобы сделать ещё один шаг вперёд, когда внезапно что-то тяжёлое свалилось сверху ему на плечо и толкнуло его вперёд. Ремень сорвался с плеча, и плазмострел упал вниз. Сзади что-то сверкнуло. Послышался самый страшный визг, который когда-либо доводилось слышать Джеку. Какая-то возня за его спиной. Мельком оглянувшись, он сумел разглядеть, как тварь упала на землю и теперь опиралась на неё ещё и своими щупальцами. Она открыла пасть, обнажив игольчатые пики зубов и, ещё раз противно взвизгнув, рванула за Джеком.

Не помня себя от страха, он пробежал вдоль стены дома, стараясь вообще не думать ни о чём, кроме заветной двери, которая должна открыться автоматически. Когда Джек подбегал к углу стеклянного павильона, прямо за которым и находилась вожделенная стеклянная дверь, боковым зрением он увидел, что тварь настигает его сбоку и готова уже наброситься. Джек стиснул зубы и резко повернул, то же самое сделала и тварь. По шуршанию песка он понял, что чудовище чуть занесло вбок на повороте. Это дало Джеку небольшую фору. Происшедшее дальше он помнил смутно. Вот он уже влетает в дверь, которая начинает закрываться за ним. Он мысленно умоляет, чтобы она это сделала как

можно быстрее, но у двери только один режим работы. Джек резко разворачивается и видит, как из темноты появляется два щупальца, которые успевают вцепиться в закрывающуюся дверь. «Кажется, она сюда ворвётся и наступит конец», – в порыве паники подумал лейтенант. Щупальце с усилием раздвигает створки двери, и между ними протискивается морда с острым, как кинжал клювом. Два хищных жёлтых глаза встретились с глазами Джека. «Это конец. Этим клювом она разmozжит мне голову, и я даже пары шагов к ящику с оружием сделать не успею», – ещё одна страшная мысль возникла в голове у Джека. Тварь взвизгнула, но как-то иначе, странно, будто с примесью рева. Затем она резко отпрянула от проёма, но не сама, а словно кто-то выдернул её наружу. Дверь слегка помедлила, а потом быстро закрылась, отгородив жилище Джека от ночных кошмаров.

Жизнь бушует

14

Земля. Дирекция испытательного центра Космического агентства

Широкоплечий мужчина, лет пятидесяти пяти на вид, с небольшим животом и залысиной на голове, уверенно шагал по просторному коридору, свет в котором в столь ранний час был ещё приглушён. При каждом шаге его чуть отвисшие щёки колыхались. Он почти не размахивал руками при ходьбе, но, несмотря на всю важность его персоны, сбоку можно было заметить лёгкую сутулость в его осанке. За многолетнюю безупречную службу на благо Космического агентства он по-настоящему устал. Его одолевала та неизбывная усталость, которую испытывают профессионалы высочайшего уровня, работающие на износ для обеспечения идеального результата. А по-другому работать он и не мог. Ведь от таких людей, как Герберт Норвэлл, зависел успех всех миссий в дальнем космосе.

Герберт уже много лет не брал отпуск, посвящая себя целиком и полностью работе. В его немолодые годы такой график начал постепенно давать о себе знать, оставляя свои сперва безобидные и незаметные, а затем всё более явные

отпечатки на здоровье, сне и образе жизни. Печальные известия о взрыве двух шаттлов лишь добавили седых волос вокруг залысины у него на макушке. За сорок лет работы в ведомстве ещё не было ни одного настолько провального проекта, как исследование Нероя. Герберт успел много о чём подумать, зная, что будет вызван в кабинет директора Космического агентства Артура Ньютлэнда, полукруглая ниша двери которого уже виднелась слева по курсу его спокойного шествия.

– Вы в курсе последних новостей о высадке шаттлов, надо полагать? – спросил директор Ньютлэнд, сверля Герберта своим необычайно пронизательным взглядом поверх своих круглых, но строгих очков. У него так же, как и у Герберта, была залысина на макушке, хоть и чуть меньшая. Его уже немолодое вытянутое лицо с широкими скулами всё ещё сохраняло остатки военной мужественности, а зоркий целеустремлённый взгляд выдавал храброе прошлое директора.

– Да, мне известно, директор, – без каких бы то признаков волнения ответил Норвэлл.

– Вот так спокойно?! – чуть раздражённо, ещё больше сверля глазами поверх очков, спросил директор.

– Да, – ответил Герберт Норвэлл, глядя на переносицу начальника.

– Вот так спокойно? – словно бы теперь задавая вопрос самому себе, повторил директор. – Сначала мы потеряли два шаттла с зондами, затем два оставшихся, а теперь погибло

пять космонавтов, а последний выживает там не пойми как?

– Да, я осведомлён. Мы принимаем меры. В экстренном режиме. Ведомство не спит уже вторую неделю, работает круглосуточно, – сказал Герберт, и черты его лица будто окаменели.

– Герберт, мы друг друга знаем с прошлого века, чёрт побери! Ты же понимаешь, что со мной сделает правительственный совет – а потом и с тобой! – не выдержал директор Ньюлэнд.

– Мы не успели получить всей необходимой информации о планете, прежде чем отправить экипаж, и...

– У нас и так все сроки были сорваны! Как и всегда в этом долбаном Агентстве! – директор был близок к тому, чтобы сорваться на крик.

– Мы не могли...

– Не перебивай! Линда Роборе предупреждала, что твоё самоуправство и самодурство твоей команды не доведут до добра. Похоже, она оказалась права на этот раз. Ты знаешь, я много раз на тебя полагался...

– Артур, – спокойно, почти по-приятельски, вдруг начал Норвэлл, – я знаю, что мы просчитались, мы перестраиваем весь план миссии, устанавливаем причины, исследуем.

– Исследуете?! И что же вы там исследуете, позволь спросить? – с этими словами он вытянул шею и наклонился вперед, нависая над столом.

– Причины аварий, – чуть поднимая брови и стараясь не

двигаться, ответил его собеседник.

– Ах причины аварий! Не поздноато ли, когда всё уже произошло! У нас не было такого количества происшествий уже сорок лет! Сорок! – гневно выкрикнул директор; брызги его слюны мокрыми точками оседали на поверхности стола.

– Артур, – продолжил Норвэлл, стараясь говорить выдержанно и спокойно, – я умею признавать свои ошибки. Я их исправляю. Трудятся в ведомстве все.

– Прости, Герберт, но я вынужден... – немного поколебался, подался назад и откинулся в кресле, будто погрузившись в него. Отвёл в сторону глаза с расширившимися зрачками в сторону, затем вновь бросил быстрый прищуренный взгляд поверх строгих очков на своего подчинённого, – ты уволен... Тебе надо отдохнуть.

Казалось, начальник департамента внутригалактических миссий Герберт Норвэлл был действительно готов ко всему. Ни одна мышца не дрогнула на его лице. Он продолжил спокойно смотреть на директора, который отвернул голову в сторону. Выждав ещё несколько секунд, Герберт задал вопрос.

– Это всё?

– Да... – произнёс директор Ньюлэнд, растягивая слова, с лёгкой задумчивостью, словно не он не был до конца уверен в своей правоте, – вещи можешь перевезти до конца следующей недели.

– Какие вещи? – несколько изумился Герберт.

– Свои рабочие капсулы и инфо-полоски с отчётами, – сказал он, небрежно махнув рукой над столом.

– Зачем мне их куда-то перевозить? Я же уволен. Пусть дроиды их уберут, куда следует, – стараясь не показывать ноток огорчения в голосе, ответил Герберт.

– Нет, Герберт, ты переезжаешь в другое место.

– В другое место? – с прохладным удивлением спросил Герберт Норвэлл.

– Да.

– Что-то я не понял. Или ты реши...?

– Да, именно. В другой отдел! Ты, что думал, я уволю такого сотрудника как ты вот так запросто? Размечтался! – он схватился обеими руками за край стола.

– Ты серьёзно? – в этот момент в лице Герберта Норвэлла что-то преобразилось, и сквозь маску отстранённости стала проступать улыбка человека, только что узнавшего приятную весть.

– Да. Пойдёшь трудиться в соседний кабинет пресс-секретарём. Эланджа уходит с должности. Она устала отвечать на вопросы о провальной миссии. Вот ты там всё знаешь, будешь сам отдуваться.

На какой-то момент лицо Герберта вновь посерьёзнело, но потом он улыбнулся, позволив себе даже слегка усмехнуться.

– Слушаюсь, директор.

– Давай. Только придумай версию поправдоподобнее о

том, что могло произойти. И знаешь-ка что – свали всё на роботов и компьютер... Ммм, хотя нет, они же запросят все данные с бортового компьютера, эти общественные надзиратели... Вот что. Скажи, что из-за запретов и ограничений на использование роботов и компьютеров, установленных законодательством, было невозможно провести достаточно глубокий предварительный анализ и всё в таком духе. Отправим им бумеранг... Пусть сами же на свои грабли и наступают. Мы тут ещё и поднажмём на правительство, может, нам больше выделят робототехники в другой раз.

Герберт кивнул, посмотрел в глаза директору Ньюлэнду и вышел сквозь портал, сформировавшийся перед ним.

Норвэлл не считал директора плохим человеком, напротив, он казался ему даже весьма добродушным. Они отработали рука об руку не один десяток лет, прикрывая друг друга как только можно. А прикрывать было что... Несмотря на невероятные успехи в развитии технологий, космические полёты на дальние дистанции всё ещё оставались серьёзными, порой весьма рискованными затеями. Герберт был действительно удивлён, что его переназначали. Даже, в некотором смысле, на пост более престижный с общественной точки зрения. Но он понятия не имел, как много ему придётся теперь выдумывать, выкручиваться и лгать. «Странно, что мне сообщили о крушении только четыре дня назад, хотя по имеющимся данным они там уже почти как две недели. Кто-то блокировал доступ к этой информации... Ньюлэнд что-

то явно утаивает. Сукин сын! Какую ты игру ведёшь, старый лис?» Герберт не понимал, как он будет объяснять обозревателям, что именно роботы и компьютеры, а точнее их отсутствие в нужном количестве, стали причиной гибели людей. Он знал наперёд, что в ответ он услышит возгласы из разряда: «Вы опять сравниваете людей с машинами!» или что-то в духе «Агентству всегда хотелось развлекаться с игрушками. Даже люди для них лишь игрушки». И обязательно кто-нибудь выскажется, затронув излюбленную всеми общественниками тему «Жизнь роботов в ведомстве опять оценили выше жизни человека».

Выходя из центральных дверей, он заметил семенящую несколько неровным, нервным шагом женщину с диковинной причёской, похожей на сдвоенный пучок. Это была та самая Линда Роборе, о которой обмолвился директор. Она спешила предстать перед директором.

Проходя мимо Герберта, она едва заметно улыбнулась ему исподлобья и довольно властно, почти надменно поприветствовала его.

– Доброе утро, – растянулась она в противной жабьей улыбке.

– Доброе, – буркнул Герберт и прошёл дальше.

«Вероятно, она уже знает о моём смещении, – подумал он про себя, – да и плевать. Сегодня проведу время с семьёй. Хоть с сыном пообщаюсь. Она давно хотел меня познакомиться со своей новой, как они говорят, «эвер-секвенцией». С этими мыслями он сел в транзитный болид и, устроившись на заднем сиденье, уснул, зная, что дроид сам довезёт его куда следует.

Добравшись до дома, Герберт обнаружил ещё спящую жену в мягкой шёлковой постели.

Переодевшись в домашнее, он встал возле окна, и посмотрел куда-то вдаль на высокие клены, затем повернул голову и кинул пристальный взгляд на закрытые глаза его любящей

Мэри. Эта женщина создала прочный, надёжный тыл, позволивший пережить многие невзгоды и сложные моменты его непростой карьеры, но хватит ли прочности её тылу на его новой должности?

Мистер Норвэлл подошёл чуть ближе и, присев на корточки, нежно поцеловал её густые тёмные волосы.

От неожиданности Мэри чуть приоткрыла глаза и сразу же отмахнулась от него. Но уже буквально через мгновение она вдруг вскочила, широко распахнув удивленные глаза.

– Ты дома? Что-нибудь произошло?! – молниеносно, почти не раздумывая выпалила она.

– Нет, – он покачал головой и мягко улыбнулся, положив голову ей на руку. Затем он выпрямился, переместился на кровать, обнял жену и заснул на несколько часов.

Джек всё ещё не мог отдышаться после столь скоростной пробежки. Бурливший адреналин нагнетал панику после встречи с существом. Сумерки накрыли пространство вокруг, сгустив темноту безлунной ночи над всей поверхностью равнины. У Нероя не было спутников, подобных Луне, вокруг планеты вращалось много небольших астероидов. Но Джек сейчас об этом не думал, он боролся со своим страхом, пытаясь заставить себя подойти к окну или включить свет. Он стоял на месте и вообще не шевелился.

Несмотря на то, что каркас его дома был выполнен из прочных нанокompозитных материалов, а стекло выдержало бы удар метеора, Джек всё же опасался за надёжность своего убежища. Покрывшись с ног до головы холодным потом, он простоял без малейших признаков движения несколько минут, растянувшись в его собственном сознании на часы. Внезапно опомнившись, он медленно, словно боясь себя выдать, крадучись двинулся к контейнеру с оружием. Добравшись до него, он взял плазмомёт, потом прихватил второй, но, немного подумав, отложил их в сторону и вооружился длинноствольным гранатомётом.

«Заморозить тварь нахрен, чтоб больше никогда сюда не совалась!» – подумал он. На мгновение он даже было решил выйти из дома и попробовать подстрелить ночного хищ-

ника, но здравый смысл всё же остановил его. Почти всю ночь вплоть до самого рассвета он просидел на кровати с гранатомётом наперевес, постоянно озираясь по сторонам. Когда его взгляд падал на тонкое одеяло поверх тела Энн, он вздрагивал, а тело с макушки до пяток прошибало холодным электричеством. «Смогу ли я вот так жить здесь рядом с ней? Не сойду ли я с ума, каждый день, засыпая рядом с трупом?» – мелькало в его голове. Только с восходом солнца ему удалось обнаружить, что по ту сторону его стеклянных стен никого уже не было. Тварь отступила. На этот раз... Джек отключился.

Джек проспал часов до двух дня по земному времени. Проснувшись, он не сразу сообразил, почему он в одежде, а рядом с ним валяется гранатомёт. Офицер сел на кровати, протёр глаза, огляделся по сторонам, бросил взгляд на дверь и наконец вспомнил, что вчера произошло. К сожалению, случившееся не было сном. Разбавляя водой сухой паёк из концентрированных листов зелёного салата и овощей, он думал над тем, почему тварь отступила. Ведь она не сама решила уйти, её кто-то вытащил. Что-то большое и мощное, почти такое же мощное как она сама. Дожевав салат и запив его белковой смесью, Джек принялся анализировать поведение твари. Сопоставляя увиденное на холме в прошлый раз с тем, что сам вчера сумел разглядеть, он пришёл к выводу, что существо является, скорее всего, ночным хищником и избегает света.

По прикидкам Джека, тварь, судя по ее размерам, вполне могла охотиться на крупных травоядных, которые раньше возвращались с водопоя как раз там, где Джек возвёл этот несчастный стеклянный павильон. Наконец, вооружившись гранатомётом, Джек решился выйти из дома. Если его теория верна – твари не будет на улице. Держа обеими руками тяжёлый ствол гранатомёта, заряженного капсулой с жидким азотом, способным заморозить целый их дом и все скалы ря-

дом впридачу, он почти выпрыгнул наружу. Вокруг всё было чисто – никаких тварей поблизости не наблюдалось, только прогретый воздух дня забивался в волосы и уши.

Джек прошёл несколько метров и увидел на песчаной земле картину, которая многое прояснила, но одновременно сильно его расстроила. На земле валялся покорёженный, изуродованный, перепачканный пылью и какой-то слизью трапечник. Его манипулятор был скручен в тугую спираль. Вчера ночью он стиснул свои многозвенные конечности подобно клешням и удержал тварь, не дав ей проникнуть в жилище.

Его центральный сегмент был опрокинут, а мелкие шарики и многочисленные щупальца, на которых он передвигался, безжизненно свисали с задранной вверх подошвы.

Джек ужаснулся тому, какой огромной силой должно было обладать существо, которое сотворило подобное с роботом. Лейтенант отчётливо осознал, что ему самому хватило бы одного удара клюва.

Он прошёл вдоль фасадной панорамной стены, изучая свои следы и следы, оставленные тварью. Следы твари были глубоки, особенно в тех местах, где она опиралась на щупальца, оставляя треугольные отпечатки.

Внезапно его осенило, что нужно уничтожить тварь, во что бы то ни стало. Ведь теперь на этом клочке равнины должен был выжить кто-то один – либо он, либо тварь.

Он решил, что пока не придумает, как избавиться от тва-

ри, будет возвращаться до наступления темноты.

Войдя обратно в дом, он прильнул к телепорту, в надежде уловить хоть какой-нибудь намёк на сигнал. После часа бессмысленного вслушивания в пустую тишину, Джек бросил взгляд в сторону кровати, где лежало накрытое одеялом тело Энн. Чтобы как-то перебить горечь утраты, он решил припомнить что-то светлое о полковнике Пэтроу. В памяти лейтенанта возник её рассказ о звёздах, следом в сознании всплыло их путешествие на корабле, а за ним ему вспомнились слова насчёт корабля.

– Ну, конечно, «АванЛайт»! – выпалил Джек.

Он должен был установить соединение с кораблём, раз не получалось уловить сигнал из Центра.

К собственному удивлению, просмотрев инструкции через нейротранслятор, Джек очень быстро сумел добиться соединения с компьютером корабля.

В центре ящика телепорта сначала сформировался вытянутый полупрозрачный образ корабля, а вслед за ним появился его символ – скошенный сверху прямоугольник со схематичными изображениями звезд в верхних углах.

– Приветствую, старший лейтенант Сэллендж, – раздался голос бортового суперкомпьютера «АванЛайта» – привычный, до боли знакомый, в тот момент почему-то даже показавшийся невероятно родным.

– Приветствую «АванЛайт», – коротко, но бодро откликнулся Джек.

– Системы управления стабилизированы, герметизация основных обеспечительных отсеков произведена в полном объёме, – начал отчёт компьютер.

Дождавшись окончания официальной процедуры, Джек доложил компьютеру обстановку, кратко описав ситуацию.

После слов суперкомпьютера «В сложившейся обстановке, пока не установлена связь с Центром, принимаю управление миссией на себя» Джека словно окатило холодом. Теперь корабль стал его начальником. Всё будет чётко и по инструкции. Малейшие нарушения будут моментально отсылаться в Центр. На минуту Джек поник.

– Старший лейтенант Джек Сэллендж, согласно протоколу номер 1135 F-3476... – Джек уже не слушал, а был мыслями где-то совсем в другом месте. Он уже примерно знал, что будет говорить компьютер и что ему придётся делать, чтобы выполнить миссию, выжить и вернуться домой, – необходимо взять пробы из сектора G-112 в трёх экземплярах, – продолжал перечислять первичные задания компьютер «АванЛайта».

Приступать нужно было немедленно, поскольку количество дней, отведённых на миссию, строго ограничено. С понурой головой Джек вышел из павильона с небольшим кейсом, заполненным всевозможными пробирками и ёмкостями для проб, и направился к эйрбайку.

Прищурившись, он посмотрел на палящее солнце и на мгновение замер. Он был совершенно один здесь, в бескрайней равнине, полной сине-зелёного песка, окружённый редкими скалистыми нагорьями. В уши задувал лёгкий ветер, обдававший с головы до ног отголосками одиночества. В тот момент он даже не вспомнил о Глэдис, о родителях и даже о лучшем друге Сэме, как это случалось с ним обычно в подобные минуты отстранённости. Он думал о том, что здесь, на безлюдной планете, корабль «АванЛайт» стал почти богом для него. Там, где-то высоко за плотным небом с космической орбиты он указывал Джеку, что и как делать.

Жизнь Джека оказалась в руках скопления нанокompозитных чипов суперкомпьютера «АванЛайта». Это было торжество победивших технологий над бессилием жалкого одинокого человека. Невольно поток мыслей в голове старшего лейтенанта Сэлленджа ухватился за проскальзывающие ассоциации с ритуалами первобытных людей, которые некогда поклонялись невидимым богам с неба. А что, если некогда кто-то из космических странников вот так же как он, Джек Сэллендж, попал на первобытную Землю и был вынужден слушаться указаний из космоса? А затем что-то пошло не так, и всех странников оставили одних без команд, без поддержки и помощи. И вот они, оставленные, были вынуждены осваивать новый мир, чужой и казавшийся им жестоким. Постепенно они дичали, быть может, даже глупели и превращались в обезумевших обезьян. Вместе с этим их коло-

ния сохранила остатки той памяти о корабле из космоса в виде поклонения богам с небес... «Но нет, – думалось лейтенанту Сэлленджу, – это всё глупости». Уж он-то видел в Академии слепки останков древнейших людей и их переходных форм. Они сильно отличались от современных разумных людей. «Гнать от себя эту чушь», – заключил в своих мыслях, наконец, он. Да и какое сейчас дело до первобытных людей! Он тут в ещё более мрачном положении дел: совсем один слушает, что ему указывает железка из космоса. «Какой же всё это бред», – подумал он, взбираясь на эйрбайк, чтобы как можно скорее взмыть вверх на поиски мест для взятия проб – и выкинул из головы непрошенные мысли.

Эйрбайк теперь получал навигационную информацию с «АванЛайта», поэтому ориентироваться в воздухе стало проще. Автопилот мог сам спокойно провести летательный аппарат по нужному маршруту. Джеку не хотелось лететь за какими-то пробами. Сейчас он вообще считал бессмысленными полёты в исключительно исследовательских целях. Но он не мог противиться воле «АванЛайта», пока не получит скорректированные задания миссии из Центра. Даже здесь, в миллиардах километров от Земли, Джек Сэллендж оставался офицером, преданным службе, которую как таковую, быть может, он и не особо любил. Тем более, что он пообещал Энн быть дисциплинированным.

Однажды Джек проснулся ранним утром в холодном поту. Ему снилось, будто кто-то похитил тело Энн из павильона. Проснувшись, он глянул в сторону её кровати и понял, что больше так жить не может.

«Чёртовщина! Неужели я так и буду жить рядом с её трупом?! Я же точно свихнусь... – думал, он заваривая фруктовый брикет. – Центр уже не выходит на связь больше двух недель, “АванЛайт” никаких специальных приказов на счёт Энн не даёт – всё тот же протокол... Её нужно похоронить». С этими словами он оставил на столе разбухающие сухофрукты и принялся собирать в ящик всё, что принадлежало полковнику Пэтроу. Он аккуратно складывал в один из вещевых контейнеров скудные пожитки покойной. Себе он оставил именной сиреневый бэйдж с полупрозрачным изображением лица Энн и полоски с информацией.

«Интересно, что там она записывала на корабле? – думал он, сжимая в пальцах инфополоску, – может, есть там что-то способное пролить свет на ситуацию с шаттлами? Какая-то бредятина!» Джек ещё раз с досадой вспомнил, что на корабле ему почти никто ничего не рассказывал.

Закончив паковать личные вещи Энн, он поднял её с кровати и аккуратно перенёс на внешнее заднее сидение эйрбайка. Туда же он поместил небольшой контейнер с вещами. По-

грузив сзади лазерный разрыхлитель и многофункциональную поисковую лопатку, Джек активировал системы управления и направился к месту крушения шаттла Алана и Лоры.

С помощью разрыхлителя ему удалось разбить плиты спрессованного гравия и песка, чтобы затем выкопать яму. Когда яма была готова, Джек погрузил на её дно бездыханное похолодевшее тело Энн, а у неё в ногах водрузил контейнер с её личными вещами. Он ещё долго стоял, не желая закапывать яму, словно сопротивляясь какому-то внутреннему голосу, повелевавшему оставить всё, как есть. Наконец, он развернулся, сел на корточки так, чтоб не видеть её лица, и начал быстро заваливать яму высохшим на солнце песком. Засыпая яму ещё влажным песком, Джек в какой-то момент осознал, что хоронил не только Энн, но и её с капитаном Грэхэмом маленькую личную тайну – маленького человека, который так и не появился на свет. Он постоял ещё некоторое время, после чего бросил взгляд в сторону плавившегося на солнце корпуса шаттла, пообещал себе завтра же вытащить тела Лоры и Алана из останков другого аппарата, чтобы похоронить и их, и отправился к эйрбайку.

Ватные руки почти не слушались его. Джек мчался на байке, поворачивая то вверх и вправо, то вниз и влево, совсем не отдавая себе отчёта, куда именно он летит. Несколько раз он почти достиг сверхзвуковой скорости и чуть не врезался в верхушки скалистых нагорий. Он мог бы много чего узнать о ландшафте планеты за свой почти пятичасовой полёт, но его сознание было замутнено, а взгляд застилала плотная пелена отрицания. Отрицания всего, что с ним происходило. Его разум отказывался верить в происходящее. В какой-то момент Джек очнулся, пролетая над холмистой местностью, густо поросшей кустарником. На радаре не было видно ни его шаттла, ни других знакомых ориентиров.

Он спустился на поляну, покрытую странной растительностью. Буро-жёлтые стебли в некоторых местах были усеяны вытянутыми прямоугольниками листьев. Их пластинки, окрашенные в жёлтый с вкраплениями зеленого, росли так густо, что в глубине чащи не представлялось возможным разглядеть лучей солнца уже на расстоянии двух метров. Джек сорвал один лист. Из него вытекла влажная густая жёлто-зелёная слизь. «Хлорофилл, – пронеслось в его сознании, – значит, у них тут такой же зелёный пигмент, как и у растений на Земле». Поток мыслей прервали внезапно раздавшийся шорох и глухой рык. Что-то явно массивное дви-

галось в его сторону. Недолго раздумывая, Джек со всех ног рванул в сторону эйрбайка. Опечаленный и растерянный из-за смерти Энн, он совсем забыл о мерах предосторожности и не взял с собой никакого оружия.

Из чащи вынырнуло двухметровое существо, похожее на страуса с верблюжьим горбом и слегка вытянутой мордой, откуда торчал длинный, похожий на изогнутую стрелу, заострённый язык. Существо сигануло вслед за мчащимся к эйрбайку Джеком. Лейтенант едва сумел начать разгоняться по земле, чтобы набрать скорость, как существо языком больно хлестнуло его по ноге. Затем последовал таранный удар в корпус аппарата. Но, к счастью для Джека, аппарат уже набирал скорость и смог ускользнуть из-под удара. Эйрбайк чуть увело в сторону, но он уже взлетал, оставляя ревностного хозяина территории внизу.

Это злключение заставило Джека ненадолго позабыть о последних событиях. Несколько часов он плутал, сопоставляя карту радара с ландшафтом поверхности, пока, наконец, на проекционном экране не замигала точка с очертаниями их с Энн шаттла.

Дома он выгрузил изображения, автоматически захваченные датчиками эйрбайка, и постарался сделать анализ внешности и поведения животного, чтобы хоть немного отвлечься от всего произошедшего.

Ему удалось определить, что существо, судя по конституции и повадкам, травоядное, в целом неопасное, но склон-

но проявлять агрессию, если кто-то вторгается на его территорию. Джек предположил, что длинный язык нужен ему, чтобы протыкать толстые стебли растений и высасывать их сок. Вокруг каждой ноздри размещены трубковидные выросты, которые выделяют слизь, защищающую кожу от колючих стеблей. На выдохе животное выталкивает слизь, содержащую ферменты, которые моментально размягчают колючки, открывая доступ к богатому питательной органикой стеблю. Недолго думая, Джек решил назвать существо травоядным шилоязыким колючником.

Покончив с изучением материалов о колючнике, Джек бросил грустный взгляд в сторону молчаливого ящика телепорта и отправился в миниатюрный санитарный отсек, чтобы нанести на себя гель с наноботами, заботливо счищающими с его кожи всё лишнее, оставляя на теле лишь полезные микроорганизмы и иммунные клетки. В тот вечер он сказал себе, что завтра похоронит тела Алана и Лоры. Ночью он так и не смог уснуть, раздумывая о том, как лучше всё устроить.

Почти весь следующий день у Джека ушёл на то, чтобы вручную разгрести искорёженные конструкции шаттла, в котором разбились Лора и Алан. Это далось ему с необычайным трудом: пришлось разрезать лазерным ножом сплюснутый металл кабины, чтобы добраться до тел несчастных бывших членов экипажа. В этот момент Джек сильно жалел, что его верный робот-помощник вышел из строя. Наконец, когда тела были извлечены, Джек печально погрузил их в эйрбайк и отвёз к месту, где покоилась Энн. Сформировав две ямы, Джек осторожно уложил в них обугленные остатки Алана и Лоры, а потом быстро, не открывая глаз, закопал. Он позволил себе взглянуть на могилы, лишь когда останки были полностью присыпаны грунтом.

Останков тел капитана Грэхэма и инженера Фрэнка Варпола ему обнаружить так и не удалось. Вероятно, их вообще не было поблизости. Тела могли буквально испариться от высокого давления и температуры во время мощного взрыва.

Джеку хотелось, чего угодно: умереть, напиться высокоградусной жидкости и потерять себя, лишиться рассудка и потерять память, только бы не думать о том, что он остался на планете один. Смерть капитана и всех остальных членов экипажа выглядела совершенно невероятной, какой-то невозможной причудой из магического параллельного мира.

Вернувшись в свой одиноко стоявший посреди зеленовато-синей пустыни павильон, лейтенант Сэллендж хотел завалиться в кровать и уснуть, но организм, в крови которого бурлил коктейль из гормонов стресса, приказывал бодрствовать.

Лейтенант просидел в тишине больше двух часов, отчаянно пытаясь придумать занятие, которое помогло бы ему сохранить себя. Его взгляд скользнул по столу с исследовательским оборудованием, затем переметнулся за панорамные окна, где завис эйрбайк. Тяжело вздохнув, Джек, наконец, понял, что может стать для него спасением. «Чёртовы инструкции, – подумал он, – значит, буду работать за всех. Раз я остался один – значит, должен работать за всех. Пока я жив». Он стиснул зубы и ударил обоими кулаками по ребру столешницы.

На следующее утро, едва показались первые лучи звезды, Джек забрался в эйрбайк и отправился к очередной точке забора проб. Внизу проносились равнины, редкие скопления скалистых пород, несколько уже знакомых ему ручьев. Временами он различал с высоты стада травоядных, которые направлялись от одних зарослей кустарника к другим. Джек сидел сложа руки и просто наблюдал за пейзажами, полностью доверив управление автопилоту. Иногда он вскидывал голову вверх, чтобы взглянуть на редкие полупрозрачные перистые облака, медленно парившие вдоль сине-зелёной глади неба.

Пролетая над протяжённым горным хребтом, эйрбайк вдруг резко взмыл вверх. Так высоко Джек ещё не забирался. Аппарат поднялся почти на километр от поверхности. На какое-то время Джек ощутил свежесть и прохладу, но климатический стабилизатор быстро выровнял температуру под прозрачным куполом летательного аппарата. Эйрбайк обогнул очередное возвышение пород и снова устремился почти вертикально вверх, вдавив своего пилота в сиденье.

Пролетая над самой высокой в этом месте полуторакилометровой вершиной, Джек видел чёрные, местами болотно-серые вершины длинной цепочки гор. С этой высоты открывались виды на все ближайшие равнинные участки зелё-

но-синей полупесчаной планеты. Некоторые ручьи казались тонкими голубыми прожилками-ниточками, а кустарниковые скопления выглядели серо-бурым пухом. «Оверплан» на мгновение завис в воздухе, а затем плавно пошёл на снижение. Джек машинально вцепился в штурвал, но это не произвело никакого эффекта – автопилот его всё равно не слушал. Аппарат делал своё дело. Когда эйрбайк замер, достигнув нужной точки, из дна его осевого корпуса, пройдя насквозь защитный купол, протянулся длинный эластичный щуп, который безжалостно отодрал от скалистой породы серо-зелёное растение, отдалённо похожее на земной клевер. Затем щуп втянулся обратно вместе с исследуемым образцом.

Они пролетели чуть вперёд над вершиной горы, пока эйрбайк не остановился вновь. Всё повторилось только уже с другим растением, отодранным от группы тёмно-зелёных кустарников с заострёнными, как пики, вершинами стеблей. Несмотря на довольно редкие скопления растительных форм, можно было только удивиться тому, насколько разнообразным выглядел этот безмолвный, но живой мир высоко в горах.

Тем временем на проекционном экране возникло обозначение сектора «G-114». Джек осторожно выглядывал вбок и чуть вниз, чтобы наблюдать за работой длинного щупа. В мыслях лейтенанта не было и тени сомнения, что сегодня вечером божок сверху заставит его разбирать весь забранный материал. Чтобы отвлечься от изнуряюще нудных мыслей,

он принялся оглядывать окрестности.

Ему нравилось это место. Тихое, спокойное, без снующих на водопой травоядных, без страшной твари, жаждущей его сожрать или просто убить. От этой мысли Джек ощутил напряжение в солнечном сплетении, но потом всё прошло, когда он вдруг выключил защитный экран, и плотный поток свежего, прохладного воздуха разбросал его волосы в стороны. Глубоко вздохнув, он прикрыл глаза, а через минуту открыв их, вдруг громко рассмеялся. Это был злой, нервный смех человека загнанного в угол, но пытающегося убедить себя в собственном всемогуществе. Но самому Джеку казалось, что это смех торжества и его одинокой, непонятной власти над безлюдной планетой.

Он смеялся, пока не закололо в правом боку, а челюсть не стало сводить. Успокоившись, Джек печально замер. Больше у него не оставалось сил на эмоции.

Собрав пробы, «Оверплан-500» стремительно сиганул вниз – так, что поток набегающего воздуха прижал губы и щеки Джека к его крепким зубам. Они летели к сектору «G-112», где им также предстояло собрать несколько растительных форм у подножья одной из гор. Чуть позже в секторе «G-109» были собраны странные пузырчатые корни одного из растений, обладавшего стеблями, похожими на тонкие пруты. Когда они пролетали над сектором «G-105», Джек увидел скопление необычных высоких растений, походивших на земные деревья. Их высокие, толстые стебли распа-

дались на несколько ветвей, на конце каждой из которых висело по огромному, похожему на баскетбольный мяч плоду.

Джек отключил автопилот и подлетел к макушке одного из растений. Плоды сочились необыкновенным ароматом. Это был в прямом смысле совершенно неземной запах сладчайшей дыни, перемешанной с ароматами земляники и лесного мёда, который иногда приносили в Аэронавт-сити люди с ферм. Джек подлетел ниже и щупом отцепил сначала один плод, затем второй. В тот момент, когда он хотел подцепить третий, на табло высветилось, что грузовой отсек переполнен. Джек был уверен, что плоды точно съедобные и придуманы для привлечения травоядных. Поднявшись в воздух, лейтенант Сэллендж развернул эйрбайк в сторону стеклянного павильона.

Такая работа поглотила следующие несколько дней.

Начинало темнеть, когда Джек подлетел к дому. Теперь он всегда держал оружие наготове, в любую минуту ожидая появления твари. Темнота – это её стихия. Жёлтые хищные глаза создала сама эволюция для охоты в почти кромешной тьме здешних страшных ночей. Выгружая растения и плоды, Джек то и дело озирался по сторонам, готовый в любой момент начать палить по всему, что движется. Но к его счастью, в тот вечер никакой твари в округе не появилось.

Прежде чем оказаться на исследовательском столе в самом помещении, по правилам, все иноземные пробы должны были проходить карантин в специальном огромном контейнере – лаборатории, где они сканировались для анализа содержащихся в них веществ на предмет их безопасности для человека. Контейнер стоял у задней стенки павильона и прилегал вплотную к гряде горных пород. Именно к нему и направился лейтенант.

Джек помнил истории своих преподавателей по генной инженерии о том, что ещё в двадцатом веке была создана классификация уровней биологической опасности объектов от первого до пятого. В этой классификации к первому уровню относили неопасные организмы, а к четвёртому – вирусы и бактерии, лекарств от которых изобретено ещё не было. Для исследователей наибольший интерес представлял со-

бой пятый уровень. Это был особый уровень, зарезервированный под объекты внеземного происхождения. Уже тогда учёные изучали организмы из космоса, но до широкой публики сведений об этом не доходило. После нескольких трагедий, повлекших за собой гибель учёных, работавших с внеземными организмами, меры предосторожности ужесточили и ввели строгие правила карантина.

За ночь в контейнере прошёл анализ полученных проб, и все они оказались неопасными. Используя инструкции нейротранслятора, Джек один за другим помещал подготовленные препараты на моделирующую платформу, которая много лет назад заменила людям громоздкие микроскопы. Ему необходимо было исследовать геном растений, их способы питания и возможные пути эволюции. Всё это помогало описать облик планеты и приоткрывало завесу тайны её истории.

Но чем больше Джек исследовал, тем больше вопросов у него появлялось. С одной стороны последовательности в геноме были очень похожие на земные, но не было ясно, как кодируются те или иные внешние признаки. Наконец, дело дошло до тех самых сочных плодов. Разрезав магнитным ножом кожуру, Джек едва не сошёл с ума от дурманящего аромата мякоти. Он жадно впился зубами в сочную плоть. Сок стекал по его подбородку, заливая поверхность белоснежного исследовательского стола. Он глотал сок, не в состоянии остановиться. Так давно лейтенант Джек Сэллендж не ел живой пищи. Разделавшись с лакомством, он сначала хотел отправить кожуру и остатки семян в контейнер с отходами, но затем решил поступить иначе. Ему взбрела в голову сумасшедшая идея – а что, если посадить семена в песчаную поч-

ву рядом с павильоном и обильно полить?

Пока он выкапывал ямку и клал туда семена, умная панель стола миниатюрными микроворсинками счищала подсыхающий липкий сок. Когда Джек вернулся в павильон, стол был безупречно чист.

Остаток дня он тщетно пытался добиться хоть каких-нибудь признаков жизни от телепорта. Он не хотел этого делать, зная, что ему это причинит лишь боль, но под вечер он всё же запустил нейротраслятор и вернул себя в воспоминания, когда он ещё мог носить на руках Глэдис.

Джек Сэллендж лежал в стеклянном доме, улыбаясь и временами всхлипывая, в полном одиночестве у скалистого уступа, расположившегося в самом центре сине-зелёной песчаной глади бескрайних просторов равнины, второй по счёту от звезды планеты в системе на расстоянии 8,5 световых лет от Земли. Вокруг не было ни одного живого человека, лишь чужие существа, диковинные растения и хищная злобная тварь, бродившая где-то неподалёку. Именно так себе представлял со стороны своё нынешнее существование старший лейтенант Джек Сэллендж.

Окончив прокрутку очередного воспоминания, он сорвал с себя шлем, осознав, что больше не в силах там находиться. Он лежал на своей кровати, подложив обе руки под затылок, и смотрел на причудливый узор решётки непрозрачного потолка. Здесь не было симуляций и игр виртуальной реальности, не было друзей, не было даже проигрывателя музы-

ки. Всё это было строго запрещено правилами Космического агентства. Сюда они отправлялись работать не покладая рук. Но имело ли всё это смысл теперь, когда он даже не знал – отправят ли за ним кого-то, чтобы забрать с планеты или оставят доживать остатки дней здесь в одиночестве, пока его кто-нибудь не сожрёт или он не умрёт от чего-нибудь ещё.

Он повернул голову в сторону двери. Стеклопанели уже заметно потемнели, подготавливая освещение комнаты к переходу в ночной режим, но всё же сквозь них можно было видеть, как вечерний ветер гонит маленькие столбики лёгкой пыли. Джек сосредоточил взгляд на двери и вдруг вспомнил, как совсем недавно через них к нему в жилище едва не ворвалась страшная тварь. В эту секунду Джек твёрдо решил, что разработает план, чтобы избавиться от неё.

Следующие несколько дней Джек вставал очень рано, чтобы успеть выполнить все поручения, посылаемые с «Аван-Лайта». Он едва справлялся с выполнением заданий. Джек понимал, что он трудится за всех шестерых членов команды. Всякий раз, когда он вдруг думал об этом, перед его глазами всплывал кошмарный взрыв капитанского шаттла, изуродованные сожжённые тела Алана и Лоры и, конечно же, последние минуты жизни Энн. Он запомнит её последние слова на всю свою оставшуюся жизнь, а ещё он запомнит, какой храброй и сильной она была.

Все эти раздумья накатывались на него в часы долгих перелётов от одной части планеты к другой. Изучая карту пе-

релётов, Джек примерно определил своё местонахождение относительно всей планеты. Он находился в восточном полушарии приблизительно на параллель ниже окончания экваториальной зоны. Это было очень удачным местоположением с точки зрения климата, поскольку погода здесь была довольно предсказуемой. Ось планеты была перпендикулярна плоскости орбиты, поэтому лучи солнца распределялись по поверхности равномерно, и температура колебалась лишь незначительно.

Температура существенно снижалась при приближении к полюсам, где были единственные на планете залежи снега и льда, а к экватору, наоборот, становилось заметно теплее. Местное солнце не палило на экваторе так сильно, как на Земле, температура едва поднималась выше 35 по Цельсию. Компьютер отсылал Джека на разные расстояния, но преимущественно в секторы, которые были относительно недалеко от его дома, поэтому у него не было возможности исследовать все особенности солнечной активности в разных участках планеты. Несмотря на это, за последние несколько дней старший лейтенант Сэллендж успел хорошо узнать местные окрестности в радиусе почти трёх с половиной тысяч километров. Иногда, поднимаясь на несколько сотен метров, он различал вдалеке очертания огромного зелёного моря, но его кажущаяся близость была обманчива. Море манило Джека своей неизведанностью, но сейчас задания миссии были куда важнее прогулок по пляжам.

«Интересно, там можно купаться?» – всякий раз глядя в сторону зелёной поверхности, думал Джек. Отводя взгляд от моря, он давал себе обещание обязательно туда однажды слетать.

В каждый его полёт, как только появлялись первые намёки на то, что дело близится к концу дня и закату, Джек гнал свой эйрбайк изо всех сил (насколько позволяли ограничители скорости), чтобы успеть вернуться до наступления темноты. В эти же минуты он думал о том, как же всё-таки уничтожить тварь и больше не зависеть от её ночной охоты. И в один из таких полётов назад у него стал зарождаться, как ему самому показалось, весьма хитроумный план.

Теперь Джек знал, что поставил павильон рядом с тропой травоядных бородавочников, которые регулярно ходят по ней на водопой к ручью. Часто некоторые из них задерживаются, пытаясь вобрать как можно больше влаги, и потому возвращаются почти в темноте. Именно этого и ждёт тварь, чтобы напасть на них ночью, и, используя своё преимущество – способность видеть в темноте – спокойно их съедает.

Однажды Джек завернул днем к высоким древовидным растениям и сорвал несколько спелых и сочных плодов. Прилетев к дому, он разложил их вдоль каменной гряды неподалёку от дома в качестве приманки для бородавочника, решив, что тот точно не сможет устоять перед их восхитительным запахом. Как только бородавочник клюнет на плоды, Джек набросит на него сеть и поймает. Пойманный бородавочник, в свою очередь, станет приманкой для голодной твари. Продумывая план по пути к дому, он сам не заметил, как улыбнулся. Он пролетал над вторым, ближнем к павильону ручьём, когда заметил разворачивающуюся группу бородавочников. Некоторые из них не сразу оторвались от потока прохладной воды.

Подождав, пока последний бородавочник закончит наполнять свои желудочные резервуары водой, Джек полетел по его следам. Это было изнурительно долгое путешествие

до дома, длившееся почти полтора часа. Бородавочники шли медленно, словно боясь расплескать заполнявшую их воду. Они шли, шаркая своими мощными мясистыми ногами и поднимая клубы песка. Иногда кто-то из них случайно врезался в хвост идущего впереди, и тогда тот первый разворачивался и слегка бодал шедшего следом. Это ещё больше замедляло движение.

Наконец, к павильону стали приближаться три отбившихся от стаи существа. По чуть более треугольной морде и скромным по сравнению с остальными особями размерам Джек сумел идентифицировать в последнем из них того самого бородавочника, которого он подстрелил несколько недель назад. Дождавшись, когда существо немного отстанет от остальных, Джек плавно спикировал вниз. Зависнув почти у самого приплюснутого носа бородавочника, лейтенант Сэллендж, казалось, приготовился к любой реакции животного – либо оно ринется в сторону и рванёт со всех ног, либо постарается атаковать летательный аппарат. Но, к его великому удивлению, ни того, ни другого не случилось. Бородавочник замер, словно в ожидании чего-то, косясь четырьмя узкими глазками-щёлками на летательный аппарат Джека. На мгновение лейтенанту Сэлленджу почудилось, что бородавочник тоже его узнал. И в эту же секунду рука офицера автоматически протянула бородавочнику заранее заготовленный сочный, источавший сладчайший душистый аромат плод. Бородавочник чуть отпрянул назад, затем потоп-

тался на месте, будто бы в раздумьях. Он фыркнул, пошевелив выступающими на приплюснутом носу ноздрями, и стал медленно разворачиваться. Но искушение взяло верх, и из узенького рта бородавочника высунулся длинный как шнурок и острый как шило язык. Этот диковинный орган сначала слегка потрогал плод, словно примеряясь, а затем вонзился в его мякоть так мощно, что у Джека от толчка дрогнула рука. Хотя незнакомое двуногое существо пугало бородавочника, он не смог отказаться от базовых инстинктов, побуждающих его добывать пищу.

Джек был доволен, что подловил глупое существо на его слабости. Со стороны было заметно, как по трубке внутри фиолетово-красного языка перемещается густой сок. Всё нутро травоядного существа поглощено поеданием сладкого содержимого плода. Оставалось лишь накинуть подготовленную сеть.

Джек потянулся левой рукой назад, чтобы взять ее с сиденья эйрбайка. Сеть затягивалась автоматически, и обычно ей ловили водных существ. Но в этот раз ей предстояло поработать не по назначению.

Дождавшись, пока бородавочник допьёт сок из постепенно сморщивающегося плода, Джек, не дав существу толком опомниться, накинул на него сеть. Её утяжелители стали плотно смыкаться внизу, пытаясь удержать существо, но их силы оказалось недостаточно, и бородавочник, высвободив ноги, побежал в сторону павильона. Джеку оставалось толь-

ко открыть огонь. Когда электрофотонный заряд угодил в правую ногу бородавочника, он завалился на бок и заревел. Это был протяжный, жалобный рёв, похожий на болезненный стон.

В этот момент в сердце Джека что-то сжалось. Это было сострадание. Джек не был жестоким, и то, что ему приходилось делать, выглядело для него самого бесчеловечно. Успокоив себя тем, что потом вылечит существо, он прицелился и выстрелил во вторую ногу бородавочника. Как оказалось, стрелял Джек неплохо, и ему не составило труда с первого раза попасть в цель. Рёв раздался снова – ещё более громкий, оглушительный, но не злобный. Он походил скорее на отчаянный плач ребёнка. Только сейчас до Джека дошло, что на земле корчился от боли взрослый детёныш, отбившийся от стаи, как и в прошлый раз. Два шедших впереди более крупных существа обернулись, но вид эйрбайка тотчас отпугнул их. Издав несколько призывных звуков, поглядев в сторону завалившегося почти вверх тормашками раненого животного и не дождавшись от него никаких действий, они развернулись и пошли дальше. Наблюдая за этой картиной, Джек почувствовал себя мерзкой бессердечной скотиной. Он дал себе обещание любой ценой сохранить жизнь бородавочнику, если тварь всё-таки нападёт.

Было ещё светло, и Джеку пришлось дожидаться, пока звезда полностью опустится за горизонт. Так прошёл час, за ним ещё один, потом следующий, но твари нигде не было

видно. Джек то спускался к месту, где лежал раненый бородавочник, то вновь поднимался, чтобы оглядеть окрестности, замечая, что всматриваться в окружающий пейзаж становилось всё труднее. Но старший лейтенант Сэллендж был терпелив и умел ждать. Ведь от исхода этой ночи зависела его жизнь и многое в ближайшем будущем. Нельзя было вот так запросто взять и позволить какой-то хищной твари с острым клювовидным рылом испоганить ему всё пребывание на планете.

Бородавочник внезапно смолк. Лейтенант Сэллендж понял, что зверь что-то расслышал или почувал, а быть может, ощутил каким-то другим чувством, о котором Джек ещё не знал. Защитный купол эйрбайка был свёрнут, чтобы не мешать стрельбе. Надев шлем с системой ночного видения, лейтенант Сэллендж вновь увидел то, что заставило его сердце не просто содрогнуться, а на мгновение замереть, и затем забиться с бешеной скоростью.

Та самая тварь кралась вдоль фасадной стены его павильона. Медленно и осторожно. Она прекрасно видела бородавочника и знала, что он для неё лёгкая добыча, но она также заприметила и эйрбайк Джека. Тварь была не настолько глупа, как изначально показалось лейтенанту. Перебирая своими когтистыми конечностями и опираясь на передние крылья с заостренными концами, деформированные и скорее походившие на лапы, она карабкалась вперед, метр за метром, омерзительно вращая головой. Два жёлтых глаза

жадно впивались в темноту ночи. Когда она приблизилась совсем вплотную к бородавочнику, Джек начал спускаться вниз, держа наготове гранатомёт с замораживающими снарядами. Он опустился на высоту около четырёх метров, в этот самый момент тварь внезапно подскочила к бородавочнику и схватила его. А затем произошло то, чего он вообще не мог предвидеть.

Молниеносно встав на задние лапы, тварь стиснула округлое тело бородавочника и метнула его в эйрбайк, словно мяч для рэгби. Из-за ослабленной гравитации бородавочник врезался в эйрбайк, будто им выстрелили из цирковой пушки. Аппарат повело в сторону.

Джек едва не свалился вниз. Пытаясь удержаться на узком сиденье и при этом не выронить гранатомёт из рук, он ухватился за проекционное стекло-экран. Через секунду он чудом выровнял баланс, поправил шлем ночного видения и выстрелил в сторону твари – но не попал. Тварь бежала на четырёх лапах зигзагами, то и дело резко меняя направление. Последовал ещё один выстрел. На песке остался сухой замороженный след. Ещё один выстрел и ещё один такой же след. Стиснув от злости зубы, Джек хорошенько прицелился, стараясь вызвать в памяти куцые навыки стрельбы, которые входили в обязательную подготовку офицеров Академии. Вытянутое жало снаряда просвистело в воздухе и на этот раз попало в цель, угодив твари прямо спину, чуть выше того места, где начинались палки-конечности, доставшиеся

ей от крылатых предков. Монстр навсегда застыл неподвижно, превратившись в сморщенную замороженную мумию.

Джек спикировал вниз и на всякий случай выстрелил ещё раз. Кусочки застывших покровов отваливались один за другим – тварь рассыпалась в труху. Убедившись в том, что теперь ему ничего не угрожает, Джек спрыгнул с эйрбайка, оставив его включённым, и поспешил в том направлении, куда отлетел бородавочник.

Подбежав к животному, Джек подбросил в воздух гранулы, освещающие всё в радиусе трёх метров. Маленькие светящиеся округлые капсулы разлетелись в стороны, заливая мягким светом тело бородавочника и всё, что было вокруг. Существо совершенно не двигалось и, казалось, не подавало никаких признаков жизни. Его язык был высунут наружу, а изо рта вытекала водянистая жидкость. Упав рядом на колени, Джек сперва даже вздрогнул, ощутив присутствие крупного неизвестного животного так близко рядом с собой, но потом взял себя в руки и успокоился. Он снял шлем и положил руку на одну из бородавок животного. Она была тёплой, обжигающей... Внезапно животное пошевелилось и издало слабый протяжный стон. Джек заулыбался. «Значит, жив. Скорее за регенератором», – подумал он, вскакивая с места. После смерти Энн регенератор потерял свою ценность для лейтенанта. Ведь устройство не смогло ничем помочь офицеру Пэтроу. Слишком обширными и тяжёлыми оказались её повреждения. Джек понимал, что он тратит ценный

ресурс аппарата на лечение дикого инопланетного животного. Но как он – сын врача – мог ещё поступить?

«Даже если мы и летели сюда с целью колонизировать планету... – подумал он, подбегая к павильону, – ...то ведь это вовсе не означает, что мы должны непременно уничтожить всю фауну. В конце концов, никто не понимает до конца, как устроена местная экосистема». Ему нужно было оправдание своим безрассудным, как посчитала бы Энн, действиям. И он его нашёл.

Относительно низкая гравитация уменьшила силу удара о землю, поэтому бородавочнику повезло – он выжил. На Земле он бы неминуемо погиб или непоправимо покалечился под воздействием большой силы притяжения. На этот раз Джек принес большой регенератор, предназначенный для сложных случаев. Несколько серебристых шаров взмыли в воздух, Джек запрограммировал их на осмотр животного. В течение нескольких минут они сканировали тело бородавочника, то и дело издавая щелчки. Закончив сканирование, шары прицепились к широкой дуге регенератора и занялись восстановлением внутренних тканей животного. Когда с восстановлением отбитых органов было покончено, они принялись избавлять травмированные ноги бородавочника от ожогов. Через некоторое время бородавочник был почти в полном порядке. Джек сбегал за оставшимися четырьмя плодами и предложил их животному.

Но вместо того, чтобы вновь высунуть свой язык, бородавочник осторожно перевернулся, встал на лапы и развернулся к Джеку хвостом. Почему-то Джеку захотелось погладить его. Мягко касаясь хвоста травоядного, он неожиданно для себя самого сказал: «Прости. Прости меня. Просто нужно было убить эту тварь». Бородавочник продолжил стоять на том же месте, не разворачиваясь. Тогда Джек обошёл его

с другой стороны и разложил плоды перед бородавочником. Тот фыркнул, немного потоптался на месте и только потом высунул свой тонкий и длинный язык. Допив остатки сока из второго плода, существо вдруг втянуло язык обратно, приблизилось к Джеку, сидевшему на коленях, и легонько стукнуло его своей плоской мордой в плечо. Джек положил руку на спину животному и заплакал. Светящиеся капсулы-фонарики погасли, и темнота ночи спрятала его слёзы.

Следующие несколько дней лейтенант Сэллендж по-прежнему занимался поручениями «АванЛайта». Он летал вдоль длинных горных хребтов, над бескрайними песчаными равнинами, пересекая узкие ручьи. Он огибал высокие скалистые вершины, спускался в расщелины, пролетал вдоль равнин и песчаных степей. Иногда на его пути встречались совершенно диковинные виды растений и животных организмов, в существование которых было бы трудно поверить на Земле. Но здесь, благодаря низкой гравитации, природа позволила им появиться на свет. Джек летал разными путями, стараясь охватить как можно более широкую территорию, но возвращался обычно по одному и тому же маршруту.

Возвращаясь с очередного задания, Джек нередко заворачивал к тем высоким деревьям с сочными плодами, чтобы полакомиться самому и угостить своего нового друга-бородавочника, который теперь регулярно навещался к его дому за водой и лакомствами. Джек решил назвать его Амиго, что по-испански означало «друг».

Бородавочник приходил к нему по вечерам, а иногда и днём. Джек гладил своего питомца и даже пытался играть с ним. Параллельно он изучал поведение представителей этого вида. Оказалось, что особи способны сильно привязываться друг к другу. В целом их поведение представляло что-то среднее между поведением преданных собак и повадками состязающихся за самку быков в период спаривания.

Джек разговаривал с бородавочником и порой даже не замечал, как начинал ему рассказывать про самые забавные ситуации, в которые попадали они с Сэмом. Амиго, конечно же, не мог понимать того, что ему говорил Джек, он просто пил сок плодов и покорно слушал. Теперь Джек мог летать над окрестностями и проводить время со своим новым другом, не опасаясь, что однажды тёмным вечером на них может наброситься кровожадная тварь.

И так проходили дни, а потом и недели. Уже подходил к концу второй месяц его пребывания на Нерее, и Джек начал

беспокоиться о запасах провизии. По его подсчётам, питания у него оставалось ещё на сорок дней с учётом пайков, предназначенных для Энн, дальше нужно было что-то придумывать. Хотя из-за сниженной гравитации и тёплого климата ему требовалось меньше энергии, чем на Земле, всё же расход еды был велик. Старший лейтенант Сэллендж оборудовал себе место для физических занятий, а с утра старался пробегать три-четыре километра между скал вокруг павильона. Совершая пробежки, он видел небольшие группы травоядных, спешащих с водоёма, а иногда различал вдалеке каких-то других существ, которые, вероятно, были хищниками.

Территорию, которую занимал Джек, хищники обходили стороной, да и травоядные его избегали. И это было вовсе не из-за того, что там обосновался он, землянин. Всё дело было в той хищной твари. Страх перед ней, а, быть может, один только её запах навевал ужас на всё живое вокруг. Бородавочники ходили тропой мимо дома лейтенанта лишь потому, что они были достаточно крупными и держались группами. Тварь редко нападала на них, когда они были все вместе, и травоядные этим пользовались. Тропа мимо павильона оказалась самой короткой и относительно удобной, но куда она вела дальше – лейтенант не знал. Он не следил так далеко за передвижениями существ. У Джека было не так уж много свободного времени в утренние часы. Ему нужно было выполнять задания миссии, и поэтому с утра и до конца дня он

отсутствовал, оставляя своё жилище на произвол судьбы.

Вечерами, сидя за лабораторным столиком, он описывал виды растений и животных. Делал виртуальные зарисовки, сопоставляя их с моделями, захваченными датчиками эйр-байка. Он описал несколько десятков видов травоядных животных, занося каждый из них в специальную виртуальную картотеку.

Затем он приступил к описанию растений. Особым маркером он отмечал съедобные. Так он мог попытаться частично заменить свой рацион растительной пищей. В целом, растения состояли из тканей, похожих на клетчатку земных видов, но всё-таки небольшие различия в составе имелись. Иногда у Джека из-за этого раздувался и болел живот, но это, к его радости, быстро проходило. Вопрос с растительной пищей был делом привычки, но вот с животными белками необходимо было что-то придумать. Джек не хотел убивать травоядных, поскольку он не был приучен есть мясо убитых организмов. На Земле давно уже никто не убивал животных ради еды. Белки синтезировались на фабриках, но здесь, на Нерее, установки по производству белков не было. Они оказались чрезмерно громоздкими. К тому же, видимо, никто всерьез не предполагал, что миссия окончится провалом. Оставался единственный способ – добывать белки естественным путём. И Джек морально готовился к тому, что однажды он достанет своё оружие и начнёт охотиться на травоядных.

Он станет таким же хищником, как те животные, которых он недавно пытался описать. Первобытные модели поведения одержат верх в его сознании, и он перестанет чем-либо отличаться от диких животных, жаждущих плоти и крови. От этих страшных мыслей у Джека кружилась голова, а ещё порой ему начинало казаться, что он вот-вот совсем сойдёт с ума от одиночества. Чтобы этого не произошло, как ему самому думалось, нужно было заниматься интеллектуальным трудом, изучая и систематизируя жизнь на планете. К счастью, пока ещё у него было достаточно здравого рассудка, чтобы видеть в хищниках диких животных, а не собратьев по стае или конкурентов в борьбе за пищу.

Однажды он всё-таки решился изучить и хищную тварь, что так долго навевала ужас на всю округу. Рассмотрев замороженные останки, которые к тому моменту успели совсем скукожиться под лучами иссушающего солнца, он внимательно разобрал строение её лап, крыльев, сохранившейся части морды и хвоста. Оказалось, что это был самец. Джек никак не мог определиться, как его лучше назвать – клюворылом или клювозавром. Последнее название нравилось ему больше. И хотя кожа у твари была не шершавая, а гладкая, почти такая же, как у рыбы, если с неё счистить чешую, ноги с когтистыми пальцами напоминали бугристые ступни дино-

завров, обитавших на Земле миллионы лет назад. По аналогии Джек и назвал опасное существо клювозавром, придумав ему даже латинское имя *Cornimanus rostrorhynchus*, что в переводе означало «крыловидный клюворыл».

Вообще, у Джека было плохо с латынью, он просто подражал знаменитым первооткрывателям, некогда описавшим многочисленные виды, таким как Карл Линней и Георг-Оссиан Сарс. Нередко дни казались ему тягучими и липкими, и нужно было чем-то занять голову. А всего приятнее занимать голову, по личному убеждению Джека, было именно выдумыванием чего-либо нового. И на эту роль прекрасно годилось изобретение самых вычурных названий и их форм. Порой офицер-исследователь так увлекался, что не замечал, как начинал безудержно хохотать от того, каким смешным получалось в переводе одно из вновь выдуманных им названий.

Однажды он так сильно и долго хохотал, а потом в одно мгновение вдруг замер, и всё его тело покрылось маленькими, холодными и колючими мурашками. Ему сделалось невообразимо страшно от собственного смеха, показавшегося ему весельем человека, сходявшего с ума в изоляции от всех людей. Он вскочил из-за стола, огляделся вокруг, медленно вытер со лба пот рукавом серой домашней рубы и попытался сглотнуть, но мышцы горла его не слушались. Ему почудилось, будто вся жидкость утекла из его организма куда-то в параллельную вселенную, и больше ничего не оста-

лось в его горле. Он вытянул шею вперёд, пытаясь облегчить глотание, но мышцы глотки не слушались, сердце колотилось, всё тело обдало холодом. «Неужели я схожу с ума?» – подумал он, широко раскрыв глаза, белки которых от постоянного недосыпания покрылись тонкими красными прожилками. «Нет, я пока ещё в состоянии мыслить... или это я себя уже обманываю?» – продолжил он размышлять. Внезапно способность глотать будто чудесным образом вернулась, и он сумел протолкнуть слюну внутрь. Сердце начало успокаиваться.

Он прошёлся по комнате, посмотрел в панорамные окна, затем перевёл взгляд на бездушные рамки ящика телепорта, всё так же безмолвно стоявшего на столе. Руки сами потянулись к телепорту, чтобы схватить его. Быстрым рывком он столкнул конструкцию со стола. Дождавшись, пока перевёрнутый на бок телепорт остановит своё скольжение по полу, лейтенант набросился на него. Джек не помнил себя от ярости. Он кидал его из угла в угол, пинал ногой, садился на корточки и колотил кулаками, сжимая зубы до скрежета. Это продлилось больше десяти минут. Он опомнился только потому, что устал. Джек поставил телепорт на место, осмотрел его с разных сторон и, убедившись, что по счастливой случайности не нанёс устройству видимых повреждений, переоделся и вышел на улицу.

В его одиноком пребывании на Нерее были и свои прелести, такие как полная свобода и независимость от желаний и

мнений других людей. Тут можно было не следить за собой и своим питанием, одеваться и есть, как хочешь, делать, что хочешь. Другая прелесть заключалась в том, что здесь никто не отвлекал, и это предоставляло возможность подумать о жизни, о себе, о своих будущих планах. Это был своего рода рай для отшельника, желавшего уединиться от назойливой суеты цивилизации. Правда, это совсем не являлось раем для Джека, мечтавшего возвратиться домой, к любящей женщине и родителям.

Первое время он старался изо всех сил отгонять от себя мысли о Земле, о друзьях и о Глэдис, но с каждым днём это становилось всё труднее. Задания «АванЛайта» в основном были типовыми и убийственно утомительными из-за своей однообразности. Собирать материал в пробирки явно было не самым интересным из возможных занятий. К великой досаде лейтенанта, он даже не мог толком наблюдать за существами, видя их лишь сверху и со стороны. Компьютер «АванЛайта», единолично возглавивший миссию, не выделял время на наблюдения вблизи, равно как не позволял и перемещаться по земле, используя колёса эйрбайка. Джека жутко раздражало это обстоятельство, но, в конце концов, он объяснил себе этот запрет мерами предосторожности. В последние дни он выполнял приказы почти как робот, ему совершенно не хотелось вступать в бессмысленную конфронтацию с компьютером, поскольку это было глупо, бесполезно и не принесло бы сколько-нибудь значимых результатов.

В некоторые минуты раздумий во время длинных перелётов Джеку начинало казаться, что он так и проведёт остатки своих дней на этой планете, что никто его не заберёт отсюда. Сама миссия и её целесообразность выглядели глупо и бесполезно.

«Вот закончится еда... А что дальше? – размышлял он, почёсывая густые волосы на затылке, – с водой ещё можно разобраться: конденсировать, кипятить. Энергию можно получать от солнечных батарей... ещё там есть контейнер с энергоносителями... а где взять еду? Белки... мясные, животные белки?.. Не убивать же травоядных? Неужели придётся есть мясо кого-то из местной фауны? А если оно совсем не пригодно для еды...»

Понимая, что белков в растительной пище совсем немного, Джек стал размышлять уже не о том, стоит ли охотиться, а о том, кого и как ему придётся преследовать, чтобы поймать и съесть.

Иногда лейтенант Сэллендж находил останки погибших животных, медленно гниющие под лучами местного солнца. Они не источали такой же мерзкий смрад тухлятины, который можно было учуять рядом сдохлой кошкой или собакой. Напротив, это был скорее какой-то болотно-водянистый запах с лёгкой примесью гари.

Джек заметил, что у инопланетных животных были странные скелеты. В них почти не было цельных костей. Скелеты складывались из множества мелких косточек тёмного цвета, которые формировали полые тоннели внутри конечностей животных. Такое строение существенно снижало вес существ. Благодаря низкой гравитации их кости стали полыми и тонкими. В толще водянистого мяса запасалась влага, добытая в немногочисленных ручьях и маленьких озёрах. Сухожилия, стягивающие крупные кости, были вывернуты внутрь, как предположил Джек, для того, чтобы они могли постоянно увлажняться и сохранять эластичность. У многих крупных существ остались рудименты крыльев. У некоторых видов эволюция превратила их в подобие передних конеч-

ностей.

Внешние покровы организмов имели самую разнообразную окраску: от болотной серо-зелёной до сине-сиреневой с красноватыми прожилками, но преобладали серые, чёрные или коричневые тона. У существ не было красной крови, как у человека или животных Земли – вместо неё в их сосудах циркулировала полупрозрачная зеленоватая лимфа, которая не только переносила кислород по тканям организма, но и обеспечивала иммунитет. Изучая химический состав зелёной лимфы, Джек обнаружил, что вместо гемоглобина в жидкости присутствовал кобоглобин и соединение, похожее на молекулу хлорофила, которая окрашивает листья земных растений в зелёный цвет.

Даже самые общие сведения о биохимии живых существ позволяли лейтенанту Сэлленджу удивляться тому, насколько порой универсальна эволюция в своих решениях. Далеко от родной планеты, в триллионах километров, встречались соединения очень похожие на земные. Эволюция поступила настолько элегантно, насколько могла себе это позволить, поместив вместо атома железа, окрашивающего кровь человека в красный цвет, в точно такую же структуру атом магния и получив вещество с почти такими же свойствами, только другого цвета! Такая молекула, подобно гемоглобину, переносила кислород по организмам инопланетных животных. И у растений, и у животных Нереея механизм дыхания был схож. Сперва Джек предположил, что животные были,

по сути, просто подвижными усовершенствованными растениями с зелёной кровью. Но изучив вопрос детальнее, он обнаружил, что у животных основным переносчиком кислорода являлся кобоглобин. В свою очередь, хлорофилл позволял существам синтезировать дополнительные энергетические молекулы АТФ. Это давало явный выигрыш в получении энергии.

Джеку также удалось выяснить, что, в отличие от растений, у здешних животных отсутствовал биохимический цикл Кальвина, равно как и цикл Хэтча-Слэка. Это означало, что ночью они не могли запастись глюкозой. Всё строение живых существ было подчинено созданию внутренних запасов жидкости.

«Если и животные, и растения способны выделять кислород, – размышлял, сидя за столом, Джек, – значит, его должно быть тьма-тьмущая в атмосфере... но его содержание ниже, чем в земном воздухе. Значит, кислород должен с чем-то связываться, что-то окислять...» В голове роились тысячи мыслей: в памяти вспыхивали образы разломов и тектонических плит из кратких курсов по исторической геологии, громадные колонны, собранные из цепочек химических уравнений, яркие точки на схемах жизненных циклов звёзд.

Всё это он судорожно пытался привести к общему знаменателю, собрать нужное химическое уравнение – уравнение Нереза. Джек знал, что в природе ничего не возникает ниоткуда и не исчезает в никуда. Кислород куда-то должен был

деваться. Его здесь меньше, чем должно быть. И этому нужно найти объяснение. Чтобы как-то переключиться, он стал вновь раздумывать о запасах воды.

Некоторые крупные растения имели расширения – цистерны для жидкости и питательных веществ. Именно их Джек решил использовать для получения влаги, минералов и витаминов. Запасы воды, привезённые с Земли, пока ещё покрывали расход, но лейтенант знал, что в совсем скором будущем ему придётся где-то искать чистую питьевую воду. Но больше всего в последние дни его беспокоила мысль о том, что ему всё-таки придётся охотиться. Для этих целей предварительно нужно было продегустировать мясо и оценить его питательную ценность. И такой случай ему предоставила сама инопланетная природа.

Однажды, пролетая над густо растущими мясистыми стеблями малолиственного кустарника, Джек разглядел, как на небольшое стадо травоядных, тех, что отдалённо походили на носорогов, напало несколько оранжевых хищников. Стаду удалось отбиться от захватчиков, но одно животное получило серьёзные ранения и истекало кровью.

Джек понимал, что вскоре оно либо само умрёт, либо его раздерут мелкие падальщики, похожие на четырёхлапых пауков. Они всегда прятались в глубоких норах, но, почуяв запах лимфы, сразу же начинали один за другим карабкаться на своих коротких неуклюжих лапах к сломленному существу. Их тела, почти правильные квадраты, защищал твёрдый панцирь, а треугольная морда заканчивалась клювом с острыми, как заточенное шило, игловидными зубами с внутренними каналами, как у земных ядовитых змей. Сперва они раздирали свою жертву, а потом выпивали из неё остатки соков. Один раз Джеку удалось увидеть подобное зрелище, после чего две ночи подряд ему снились кошмары.

В красках представив себе картину такой трапезы, Джек поспешил спуститься к животному, чтобы успеть до появления падальщиков. Приблизившись к травоядному, он заметил, что существо ещё дышало, но пребывало в ужасном, практически предсмертном состоянии. Его хвост был напо-

ловину разодран, а брюхо – распорото сбоку. В таком состоянии существо вряд ли смогло бы продолжить движение. Скорее всего, его просто разорвали бы и сожрали за пару часов. Тщательно прицелившись, Джек выстрелили этому «носорогу» в голову.

Затем он лазерным ножом вырезал часть плоти со спины и полностью отделил одну из ног. Забравшись в эйрбайк, офицер активировал щуп, который затащил внутрь нижнего грузового отсека куски водянистого мяса. Джеку было неприятно сознавать, что он выстрелил в живое существо не для обороны, а ради охоты, но суровые законы выживания в чужой дикой природе диктовали свои жёсткие правила игры.

Вернувшись домой, лейтенант Сэллендж застал бородавочника, наворачивающего круги вокруг скал, возле которых стоял павильон. Было даже несколько странно, что бородавочник пришёл к нему погостить именно в этот вечер. Джек вынес ему уже несколько усохшие остатки плодов и стал кормить с рук, наблюдая за тем, как по трубке тонкого языка поднимается питательный сок.

Джек смотрел на две пары маленьких узеньких глазок доброго существа, которое доверилось ему, став почти другом, и размышлял о том, какой он пакостный человек. Ведь он будет убивать таких же, как бородавочник, чтобы прокормиться, пока не придумает что-то ещё. И сейчас в карантинной камере лежит и охлаждается кусок свежего мяса. Эти мысли угнетали лейтенанта, равно как и сама парадоксаль-

ная глупость всей ситуации, когда он кормил одно животное, чтобы потом убить другое такое же. Из виртуальных уроков истории Джек знал о том, что некогда люди разводили скот, чтобы потом его съесть, но сами мысли о подобном внушали лейтенанту отвращение. Закончив кормить бородавочника, он погладил его тёплую морду над переносицей, где-то между глаз, и пошёл в павильон. Бородавочник последовал за ним.

– Амиго, у меня на сегодня больше ничего нет, только если немного воды, – развернувшись у самого входа, приятельским тоном обратился Джек. – Хотя и её осталось уже совсем немного, – вяло добавил офицер.

Он распечатал небольшой прозрачный вакуумный контейнер и протянул к морде бородавочника. Амиго немного поводит языком внутри контейнера, а затем втянул его назад. Затем он подошёл к Джеку и легонько стукнул в его грудь носом. Этот жест можно было расценить как дружеское приветствие и признание. Джек в свою очередь также легонько толкнул плечом бородавочника вбок. Существо явно хотело поиграть, но сейчас старшему лейтенанту было точно не до игр. Он потрепал морду животного, несколько раз постучал по спине в свободном от кожистых наростов-бородавок месте и направился в дом. Несколько секунд бородавочник простоял у закрытой двери, а затем развернулся и, набирая скорость, помчался прочь от павильона.

Поздним вечером Джек увидел, что на верхней крышке

контейнера, в который он поместил мясо, переливаются зелёные волны. Это означало, что карантинный период окончен, и опасных веществ или микробов не обнаружено. Джек отрезал часть мяса и положил на платформу в самом центре, между трёх шарообразных устройств. Это были генераторы сверхинтенсивных тепловых волн. Они быстро прогревали продукты и тем самым обеспечивали почти мгновенное приготовление пищи. Джек решил прогреть получше. Когда мясо, по мнению Джека, стоговилось, оно усохло почти в три раза, и теперь на платформе лежал маленький, съёжившийся кусочек чего-то бесформенного и непонятного.

Осторожно взяв ещё горячее мясо в руки, лейтенант Сэллендж попробовал надкусить его. Это получилось не сразу. Резиновая мясная «котлета» не поддавалась зубам. Наконец, он оторвал небольшой кусочек, который ему пришлось долго разжёвывать, прежде чем проглотить. Чтобы разделаться с остатками блюда, Джеку понадобилось более сорока минут. На что мясо было похоже по вкусу, ему трудно было сказать, потому что сравнивать особо было не с чем. На Земле уже много лет все белки, углеводы, жиры и витамины синтезировали и продавали в специальных контейнерах. Эра, когда люди охотились на дичь или вырывали с корнем растения, воспринималась современными людьми как эпоха доисторического прошлого, такого же древнего, как и время динозавров.

Дожевав последний кусок, Джек погрузился в череду

длинных цепочек мыслей. Его мозг анализировал целесообразность такой добычи пищи. «Неужели кто-то когда-то охотился на животных в лесу для того, чтобы просто их потом прогреть и съесть? – витала в голове мысль о грустном, по мнению офицера, прошлом людей. – А ведь у них ещё и нормального оружия не было. Какие-то палки, копья, стрелы, потом, как их там... охотничьи ружья, чёрт, мясом питалась большая часть древнего человечества в двадцать первом. Вроде уже не совсем дикими были, а всё поедали животных», – продолжал свои рассуждения старший лейтенант.

Поразмышляв так ещё в течение получаса, Джек вдруг вспомнил, что его всё-таки могут забрать отсюда, а ещё, если он наладит связь с Землёй, его могут дополнительно снабдить продовольствием и водой. На несколько минут эта мысль согрела и немного успокоила его. Но достаточно было ему бросить беглый взгляд в сторону стоящего рядом безжизненного телепорта, как беспокойство вновь одолело его разум. В конце концов, он решил теперь активнее заняться поиском питательного белка, в том числе в растениях. Анализируя состав тканей и клеток в собранных образцах, Джек обнаружил, что многие вещества здесь действительно были похожи на аналогичные у земных растений. Самым главным и важным открытием оказалось то, что в организмах Нерее содержатся те же аминокислоты, что и у земных существ. Это давало надежду на то, что со временем здесь всё-таки смогут поселиться и обосноваться люди. Возможно, какое-то

время им придётся даже поедать местную флору и фауну, но потом, решил Джек, они обязательно что-нибудь придумают.

На завтра он решил запросить у компьютера «АванЛайта» разрешение на сбор нескольких дополнительных проб – растений и грибов, которые он заметил раньше.

Джек проснулся чуть раньше обычного. Сочный желто-красный огненный диск с зеленоватыми отсветами по краям поднимался над горизонтом. Яркие лучи, проникавшие сквозь просветлевшие к утру панорамные окна, заливали павильон. Утренняя влажная прохлада мягко обволакивала лицо, шею и руки Джека. На нём был лёгкий костюм без рукавов и обувь, подходящая для бега по пересечённой местности. Пробегая вдоль уступа и глядя на равнину, Джек заметил на горизонте немногочисленное стадо травоядных, которые шли вдоль редкого сухого кустарника. «Беспечные животные. Теперь я ещё один потенциальный хищник. Куда хитрее и коварнее местных», – подумал про себя Джек. В голове стали складываться картины жестокой расправы над существами, но вскоре он поспешил отогнать от себя пугающие мысли и принялся выстраивать план того, каким образом сегодня организовать вылеты и заборы проб. Ему хотелось успеть как можно больше.

Позавтракав, Джек всё же решился запросить у компьютера «АванЛайта» разрешение чуть скорректировать свой курс и взять пробы растений и грибов, которых он заметил на прошлой неделе, но так и не смог взять с собой.

После непродолжительной безответной тишины компьютер одобрил предложение старшего лейтенанта, и эйрбайк взвился вверх, рассекая плотный воздух, уже изрядно прогретый в утренних лучах. Выполнив основные задания по сбору образцов почвы и минералов, Джек развернул свой летательный аппарат на девяносто градусов и направился в сторону длинного плоского холма, на котором скопились растения, напомиавшие земные деревья. Лесов, как таковых, на Нерее не было, но временами на пути попадались холмистые перелески, покрытые высокими деревьями, растущими довольно редко. Для удобства это можно было назвать лесом, но всё же скопления растений лишь отдалённо походили на земные леса. Вместо листьев к стволам высоких деревьев крепились длинные отростки, скорее напомиавшие длинные шипы, а редкие плоские буро-зелёные листья походили на лопасти вёсел.

Внизу, под деревьями, у самых их корявых толстых плоских ризоидов виднелись шарообразные шапки грибов. Как уже выяснили зонды, это были вовсе не грибы, а животные,

которые лишь внешне выглядели как растения. Они обладали хрустящей как крекер оболочкой, а внутри грибницы корневые отростки хитроумно сплетались, соединяя друг с другом множество особей.

Джек осторожно слез с эйрбайка, стараясь мягко ступать по почве, которая здесь была жирной от перегноя. Он прихватил с собой рюкзак с несколькими плодами, собранными на предыдущем участке, на случай, если встретит травоядных. Фиолетово-красные шарообразные шляпки грибов виднелись повсюду. В некоторых местах они плотно прижимались друг к другу, а где-то были разбросаны на метр друг от друга. Каждый дюйм этого живого лесного ковра был напичкан необычайно разнообразными формами флоры и фауны: микроскопическими гусеницами, спорами ядовитых корневищных растений, колючими риккетсиями, змеевидными ползунками и множеством других организмов, о которых Джек пока что совершенно ничего не знал. Он лишь мельком видел некоторые из них в сканерограммах образцов, полученных ранее зондами.

Джек взял звезду и спустил её на землю для разведки территории. Сначала старфиш спокойно полз вперёд, неспешно перебирая конечностями, но в какой-то момент глаза Джека на мгновение ослепила вспышка, похожая на разряд молнии, и звезда задымилась. Её поверхность покрылась обугленными острыми занозами, которые быстро отваливались. В воздухе сгустился запах палёной резины. Джек достал плод и

кинул в сторону звезды. Очередная вспышка молнии, чуть менее яркая, но не менее зловещая промелькнула по всей поверхности миндалевидного плода.

Тут же Джек почувствовал, как что-то колючее впивается в ноги. Посмотрев вниз, он увидел маленькие чёрные иголочки-занозы, прицепившиеся к его тонкой обуви и нижней части серых походных брюк. Внутренний инстинкт командовал ему бежать. Едва он отодрал вторую ногу от места, где только что стоял, как молния ударила в пятку его ботинка. На мгновение Джек потерял ориентацию в пространстве. От испуга он ринулся бежать наугад, не разбирая дороги, совершенно сбившись с пути.

Грибы, а точнее, похожие на них животные, интенсивно разбрасывали в стороны небольшие тонкие иголки с токсином на конце. Одурманив жертву с их помощью, они испускали запасённое ранее электричество через подземную сеть отростков. Такой способ охоты позволял сначала ослабить жертву, а потом зажарить её электричеством. Подобная тактика предполагала охоту на мелких существ – Джек явно не входил в планы грибов – но попавшей в его кровь дозы токсинов оказалось достаточно, чтобы на какое-то время у офицера помутился рассудок. Он продолжал двигаться вперёд, с каждым шагом всё медленнее, ступая, как задумчивая цапля. Ступни сделались тяжёлыми, а голова кружилась, как на карусели. Часть токсина попала в основной кровоток, и теперь нужно было время, чтобы наноботы, циркулировавшие

в организме Джека, успели обезвредить вредоносные вещества. Остатками незамутнённого сознания Джек прикинул, что печень и почки явно бы не справились так быстро без помощи ботов.

Постепенно приходя в себя, лейтенант Сэллендж огляделся вокруг и понял, что забрёл в какое-то пустынное место, где возвышались, редкие столбы известняка, похожие на шершавые термитники. Эйрбайк идентифицировал лейтенанта и всё это время следовал за ним. Джек поднял голову, чтобы прикинуть, как ему надо подпрыгнуть, чтобы преодолеть относительно небольшую гравитацию планеты и дотянуться до летательного аппарата. Запрокинув голову и сделав несколько неуклюжих шагов, Джек не заметил, как под ногой у него что-то хрустнуло, а ступня моментально стала влажной. Бросив вниз ещё несколько мутный, слегка раздваивающийся взгляд, он увидел, что наступил на какой-то овальный камень, из которого теперь вытекала прозрачно-фиолетовая слизь.

Известняковые осколки, походившие на скорлупу большого страусиного яйца, валялись вокруг его ступни. Джек поднял ногу и всё ещё бессознательным взглядом посмотрел на стекающую слизь. Это было явно что-то органическое, имевшее живое происхождение. Неподалёку стояли два «термитника», а вокруг обосновалось ещё несколько округлых и овальных каменистых образований, каждое – сантиметров двадцать-тридцать в диаметре. Он поднял один

такой камень и посмотрел на свет. Сквозь тонкую чешую известняка он увидел, как внутри что-то пульсировало. Маленькая тварь, очертания которой напомнили ему небольшого округлого краба, словно вращалась вокруг некоего воображаемого центра, бегая по дну своего кокона. Джек непременно решил изучить данный каменистый объект, когда вернётся в павильон. Он подобрал ещё несколько таких же жизненных форм и поместил их все в грузовой отсек выжидательно зависшего над ним эйрбайка.

«По грибы я точно уже сегодня не пойду, – подумал про себя Джек и внезапно рассмеялся, – зато хоть эту диковинную штуку притащу... Надеюсь, она неопасная... хотя выглядит жутко... личинка что ли там какая».

На обратном пути его всё ещё немного мутило, голова была тяжёлой, сознание спутанным, и он вдруг сильно захотел опустошить мочевой пузырь. Он остановил эйрбайк, спрыгнул, расстегнул брюки. Насыщенно-жёлтая струя выплеснулась на сине-серый песок засушливой равнины. Наноботы, печень и почки сделали свою работу, выведя токсины через мочу.

Добравшись до своего инопланетного дома, Джек сложил все пробы в карантинный контейнер и завалился спать. Он вырубился в то же мгновение, как голова коснулась гладкой поверхности шёлковой наволочки его подушки. Специальные биониты, вплетённые в шёлковую ткань, поглощали часть пота, не давая материалу прилипнуть к коже. Ему сни-

лось, как его тело насквозь пробивали разряды синих, потом красных молний. Они окружали его со всех сторон, будто захватив в ловушку. Он отмахивался от электрических потоков руками. Каждая отражённая молния отдавала пронзающей болью в плече. Едва он отбился от обжигающих разрядов, как в него полетели стрелы из тысячи невидимых луков. Острыми наконечниками они протыкали тонкую мембрану его космической одежды, обездвиживая руки, ноги и шею. Остаток сна Джек проваливался куда-то вниз, но одной рукой все время пытался удержаться за выступ на корпусе своего верного эйрбайка.

Он проснулся, вырвавшись из утомительного кошмарного сна. Локоть согнутой руки упёрся в мокрую простыню. Джек потел так сильно, что бионити не успевали впитать всю влагу. Организм старался до конца вывести последние дозы токсинов, полученных в результате дневной атаки грибовидных существ. Встав с кровати и сделав одно из окон зеркальным, Джек посмотрел на своё бледное уставшее лицо, протёр глаза и решил, что всё же надо ещё немного поработать. Он прикинул, что проспал около трёх часов.

За окнами вечерело. Джек вышел наружу. После жаркого дня воздух ещё оставался теплым и насыщенным, но от земли уже веяло прохладной сыростью. На верхней части карантинного контейнера скопился конденсат из прозрачных капель, под которыми растекались частые красные волны, сигнализировавшие, что на данный момент проверка объектов не завершена. Согласно инструкции, которую лейтенант Сэллендж знал назубок, если вся крышка окрасится в алый, это будет означать, что внутри вещества или организмы, которые не стоит нести внутрь павильона.

Джек решил пройтись по округе, быть может, отыскать стаю своего друга-бородавочника. На всякий случай он прихватил электрофотонный плазмострел и, вдыхая остатки тёплого дневного воздуха, направился прогуляться по

окрестностям, наполненным атмосферой инопланетного вечера. Джек старался не отходить далеко, постоянно оглядываясь на свет, который специально оставил включенным в павильоне, предварительно сделав все стеклянные панели прозрачными. Ему было так странно не слышать никаких признаков цивилизации – лишь гулкий шорох песка под ногами. Давно ему не приходилось идти куда-то бесцельно, просто для удовольствия. В последних отсветах солнца, которое уже скрылось за горизонтом, степные, местами абсолютно пустынные, а кое-где наполненные скудной растительностью, пейзажи не казались такими уж чужими.

Темнота скрывала детали, обманывая неподготовленный человеческий глаз. Можно было представить себя в какой-нибудь земной степи и даже поверить в то, что там, где-то за очередным холмом будет пологий спуск, ведущий к дороге, по которой дроиды перевозят всевозможные товары в огромный шумный город, распластавший осколки своих каменных джунглей на горизонте. Он вспомнил родной Аэронавт-сити: его протяжённые разветвлённые виадукы, отремонтированные после катаклизмов высотки, большой парк вокруг Академии и, конечно же, длинную окружную дорогу, которая в детстве казалась ему нескончаемой.

Аэронавт когда-то был ничем не примечательным городишкой. На уроках истории им рассказывали, что в двадцатом веке там размещалось несколько ангаров для строительства дирижаблей. Во второй половине того же столе-

тия эту идею забросили, когда поняли, что такие воздушные судна слишком взрывоопасны. Городок почти опустел. Но в двадцать первом веке к производству дирижаблей вернулись. Ими заинтересовалось военное ведомство. Город вновь стал оживать. К производству стекались инженеры, механики, специалисты в области авиации. Тогда же город получил имя Аэронавт.

После затоплений в середине двадцать первого века, ставших настоящим испытанием для жителей всей планеты, город чудом остался нетронутым водой. На оставшейся поверхности суши сконденсировались разрозненные капли жизни. Ангары городка превратились в складские помещения.

Шло время. Мир менялся. Границы между государствами навсегда были смыты водой. Возникли объединённые коалиции. Население сильно перемешивалось. С появлением продвинутых нейротехнологий человечество чуть не столкнулось с проблемой вымирания языков. Многие заявляли, что языки больше не нужны. Интерфейсы, регистрировавшие активность мозга, предлагали соблазнительную идею мыслеобразами.

Но столкнулись с другой нейрофизиологической проблемой. Оказалось невозможным сформулировать мысль быстро и ёмко, не называя предметы какими-то словами. Визуальные ряды работали медленно. Несмотря на то, что постепенно они улучшались, на международном консилиуме в на-

чале двадцать второго века было решено сохранить язык. Был даже введён «закон о сохранении языковой культуры человечества».

Когда ближе к середине двадцать второго по миру прокатилась вторая волна катаклизмов, теперь уже не водная, а магнитная, многое изменилось снова.

Страны поменяли приоритеты. Стало окончательно ясно, что нужно искать способы переселения на другие планеты. Границы между всеми странами исчезли окончательно. В городах росли предприятия аэрокосмического приборостроения. У Аэронавта открылось «третье дыхание». Город разрастался огромными темпами, став одним из самых густонаселённых на планете. В начале двадцать третьего века это уже был громадный промышленный центр. Сюда же перенесли все столичные ведомства объединённого западного региона, куда входила европейская часть евроазиатского континента и весь северо-американский.

Аэронавт-сити стал крупнейшим на Земле центром космонавтики. Сюда приезжали учиться и работать со всех уголков мира. Со временем возникла традиция называть всех улетающих в космос аэронавтами. Это наименование вытеснило другие и положило конец периодически возникавшим спорам о том, называть участников космических миссий космонавтами или астронавтами. Новое название должно было объединить всех.

В детстве Джеку казалось, будто идея космических по-

лётот сладким медовым сиропом пропитала все структуры города насквозь. Старшие говорили о важности понимания космологии, истории вселенной, кораблестроения. Он думал, что так жили все и всегда. Став чуть взрослее, Джек как будто понял, что взрослые излишне романтизировали эту идею.

Его собственные взгляды стали сильно меняться под воздействием того, что ему рассказывал Сэм. Это выглядело откровением. словно кто-то значимый открывал ему, маленькому, крохотному человечку, тайны планетарного масштаба. Внутри Джека поселилось сомнение. Оно притягивало своей откровенностью и пугало внешней правдивостью. «Неужели там наверху, в правительстве, думают, что полёты уже никому не нужны?» – думал он, возвращаясь с очередной прогулки с Сэмом.

Его и других ребят наказывали, если они возвращались с лица слишком поздно. Строгий выговор от матери. Он помнил её суровое лицо. «В выходные останешься дома и будешь мне помогать. А завтра вечером в клинику к отцу. Будешь выполнять работу дроидов». Джек покорно шёл и к отцу на работу и помогал матери. Главное – чтоб никто не узнал, где именно он был. Тогда отец мог бы «выписать» ему несколько разрядов шокером по ягодицам и щиколоткам. Это были одни из самых неприятных ощущений, которые он когда-либо испытывал. На его счастье, это случилось всего пару раз в его жизни.

Несмотря на наказание, которое ожидало их, если кто-то узнает об этом, Джек, Сэм и ещё несколько учеников лицея всё равно убегали на окраины городской агломерации и часами ходили вдоль дороги, разглядывая мусор, который иногда вываливался из грузовых отсеков уборочных дроидов. Иногда среди выброшенного хлама попадались совершенно диковинные предметы. Можно было подобрать кусок облицовочной панели от одного из списанных шаттлов или обнаружить выгоревшие зелёные прямоугольные кристаллы. В ночное время кристаллы светились, а внутри словно переливалась какая-то жидкость. Никто из ребят точно не знал их предназначения, да это и не требовалось. Всем было весело отнимать друг у друга кристалл, перекидывая его из рук в руки.

Только потом, учась в Академии, Сэм и Джек узнали, что эти кристаллы некогда конденсировали энергии полей высокой плотности. Каждый кристалл был сердцем сверхмощного гравитационного оружия. Они с Сэмом долго не могли прийти в себя, осознав, что играли со смертью. Но всё это было ещё впереди, а тогда о таких вещах никто из них и подумать не мог. Не будут же так запросто на свалку выбрасывать остатки сверхмощного оружия.

Один раз они нашли странный прямоугольник с кнопками и какой-то панелью над ними. Они просканировали его, но внутри лишь болтались пластиковые и металлические соединения. Сэм забрал его себе, а на следующий день отнёс

на урок технологий и спросил у преподавателя, что это такое. Мистер Квандиф, седовласый, худощавый и остроносый мужчина в очках долго разглядывал прямоугольник с кнопками. А затем, улыбнувшись, поднял его вверх над всем классом и произнёс на всю аудиторию: «Друзья! С изобретения этого предмета в истории человечества началась эпоха общения людей на расстоянии без проводов!» Квандиф посвятил следующие двадцать минут симуляций истории радиотехники, поведав об изобретении радио, первых прототипов раций, а уж позднее и спутниковых и сотовых телефонов. В конце он произнёс непростую, но в конечном счёте всем понятую фразу: «Таким образом, транкинговые радиально-зоновые системы, обеспечивающие автоматическое распределение каналов связи между абонентами, используются до сих пор, но в уже более усовершенствованной форме». Затем последовали слова, приведшие Джека в неописуемый восторг: «Так технологии соединили миллиарды людей в один сверхмощный поток мыслей, идей и образов. И сила современного человечества – в единстве его информационного поля».

Мистер Квандиф произнёс эти слова с неподдельно искренним умилением – казалось, что эту необыкновенную идею разделяет всё его нутро, каждая клетка его организма. И пусть это выглядело наивно, как и любая искусственно созданная идеология, это было прекрасно, блистательно, поистине завораживающе. Чего ещё мог хотеть четырнадцати-

летний подросток в тот момент? Он стремился найти нечто высшее, сакральное, то, чему можно было посвятить свою жизнь. И «единство информационного поля» вполне подходило на эту роль. Вот чем можно заниматься бесконечно.

Джек не раз поглядывал в сторону Колледжа высоких технологий и информатизации. Прогуливаясь мимо, он видел, как из центрального портала колледжа стремительным потоком выходят студенты с загадочными шлемами на голове, в окружении странных летающих дроидов, похожих на полумесяцы. Эти ребята жили словно в каком-то отдельном мире по ту сторону реальности. Они были недостижимы для остальных жителей агломерации. Их мало волновали проблемы Аэронавт-сити, их даже не особо интересовали миссии на другие планеты, их главной страстью всегда оставалось изучение потока информации на планете. Каков был во всём этом глубинный смысл и был ли он вообще, Джек до конца не понимал, но ему тогда хотелось стать частью их сообщества, хотелось узнать, что там, по ту сторону реальности.

Со временем, не без влияния отца и покорного одобрения матери, Джек стал думать о карьере лётчика-исследователя. Правительство создавало квоты – места в Академии на соответствующие специальности. Члены правительства поощряли исследовательскую деятельность. Суровые, по-настоящему непростые испытания всё новых катаклизмов диктовали свои условия для выживания на Земле. Планета уже не

казалась столь безопасным райским уголком вселенной, как считали ещё совсем недавно, всего пару сотен лет назад. Теперь перед человечеством вставал трудный выбор – остаться и восстанавливать утраченное, либо искать новые места обитания. И как взрослый подросток, в жизни которого настала пора отсоединиться от родителей и начать самостоятельную жизнь, человечество металось между желанием остаться дома, забившись в угол, и пугающей необходимостью расправить плечи и пойти за его пределы навстречу новой судьбе.

Джек сделал свой выбор в пользу второго, хотя и скрепя сердце. Он не раз себе признавался, что пошёл в Академию только потому, что профессия космонавта-исследователя стала востребована обществом, а пилоты, инженеры и учёные обеспечивались государством до конца жизни. В глубине души Джек по своей природе оставался тем большим подростком, который был готов забиться в угол и спрятаться в доме своих родителей, несмотря на то, что, порой, он был совершенно с ними не согласен и даже пытался выступать бунтарём, грозясь навсегда покинуть родные пенаты. Отец, более дальновидный, чем Джек, тогда ещё совсем юный, убедил его выбрать специализацию по генной инженерии. Как и полагается всем подросткам, сперва Джек сопротивлялся, но увлекательные рассказы отца все же зажгли в нём интерес к биологической и медицинской науке. Частенько Сэллендж старший брал сына в свою клинику и показывал многие вещи из медицинской практики. Отец подарил Джеку возмож-

ность приобрести бесценный опыт.

Немало знавшему и умевшему к моменту начала обучения Сэлленджу-младшему было легко и по-настоящему интересно раскладывать геномы разных организмов, перемешивать нуклеотидные кирпичики ДНК, создавать животных с новыми, удивительными свойствами. Но окончательно Джек перестал сомневаться в правильности своего выбора, когда познакомился с Глэдис. Её зелёные глаза покорили молодого курсанта Академии. Длинные тёмные шёлковые волосы источали какой-то блаженный аромат луговых цветов. Такого Джек больше не встречал ни в одной женщине. Гордая осанка заставляла невольно остановиться и оглядеть с ног до головы её обладательницу.

Стоя посреди безмолвной степной равнины и вдыхая уже изрядно остывший воздух, старший лейтенант Сэллендж почувствовал, как воспоминания о любимой вновь стали накапывать на него. Его глаза намокли, лоб сморщился, а губы собрались в жёсткий узел. Он был готов заплакать, но внезапно, словно по зову своей железной воли, собрался с силами и отогнал от себя все эти грустные мысли, понимая, что у него не хватит никаких душевных ресурсов бороться с самим собой, если он позволит себе размякнуть. То и дело поднимая голову кверху с тайным мимолётным желанием разглядеть на ночном небосводе Солнце, Джек побрёл к дому.

Подходя к павильону, Джек заметил зелёный свет на крышке карантинного контейнера. «Можно брать и работать», – подумал он. Всю оставшуюся ночь он просидел за лабораторным столом, изучая полученные пробы.

Когда очередь дошла до тех странных каменистых коконов, офицер-исследователь на какое-то время задумался, что же делать с организмом внутри. Он взял сканер, решив сначала построить трехмерную модель объекта. Сопоставляя полученные сведения с картотекой данных о других существах планеты и земных формах жизни, компьютер пришёл к выводу, что это аналог яйца, в котором вызревает личинка животного.

Но такой ответ не устроил Джека. И он, поместив каменистое яйцо под защитное стекло, начал осторожно его вскрывать. Джек работал манипуляторами под стеклом на случай, если организм окажется агрессивным. Каменистая чешуя защищала хрупкую и тонкую полупрозрачную плёночную оболочку. Выполнив несколько круговых движений внутри яйца, личинка внезапно замерла и опустилась на самое дно. Плавными осторожными движениями он надрезал плёнку и аккуратно перелил часть тягучей желтовато-коричневой жидкости в колбу для анализа. Затем он отодвинул яйцо в сторону и принялся изучать состав жидкости. Каково же бы-

ло его удивление, когда личинка внезапно поднялась кверху и стала шевелить своими четырьмя лапками прямо у верхушки яйца. От поверхности яйца в том месте, куда подобралась личинка, пошёл пар. Джек мгновенно вскочил с места, не зная, как среагировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.